

ОМЁНА

№ 10 МАЯ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**ОНИ
СРАЖАЛИСЬ
ЗА РОДИНУ!**

Боевой помощник Коммунистической партии, Ленинский комсомол в годы Великой Отечественной войны был организующей силой, объединившей миллионы юношей и девушек для победы над врагом.

ТАК ЭТО БЫЛО НА ВОЙНЕ

Михаил ШМЕЛЕВ,
капитан 1-го ранга, бывший комсорг
961-го Бранденбургского
Краснознаменного стрелкового полка

ЗАПИСКИ КОМСОРГА ПОЛКА

Перед наступлением на город Ярцево мы решили провести собрание комсомольского актива полка. Оно состоялось в расположении временного наблюдательного пункта командира 4-й роты. В моей практике столь необычное собрание проводилось впервые. Сейчас, через много лет, вспоминая об этом, думаю: рискованное было дело, ведь хватило бы одного шального вражеского снаряда, чтобы вывести из строя весь комсомольский актив полка. Но нужно было перед решающим штурмом вражеских укреплений сказать молодежи наше комсомольское слово. О предстоящем собрании замполит майор Буланов доложил командиру. Подполковник Додогорский сказал:

— Сам бы пришел, но не могу покинуть НП. В случае, если противник пойдет в атаку, организуй, майор, весь комсомольский актив как боевую единицу, а мы вас огнем поддержим.

Первым представил слово комсоргу разведвзвода сержанту Илье Лужнову.

Илья снял пилотку, достал из-под подкладки листок и, чеканя каждое слово, прочитал:

«Товарищи! Бой за Ярцево будет тяжелым. Говорю вам откровенно: тяжелее, чем те бои, из которых вы вышли победителями. Успех полка зависит от каждого бойца, от каждого меткого артиллерийского выстрела, от каждой точно направленной в цель пули. Скажите в ротах, батареях, взводах, отделениях, расчетах о том, что наш полк никогда не отступал перед врагом, что слава полка — ваша слава, слава достойных сынов нашей Родины. Только вперед! Победа за нами! Будьте готовы к бою за город!»

— Артиллеристы готовы! — доложил Гречишников.

— У минометчиков все в порядке, — донеслось из-за выступа траншеи.

— Автоматчики хоть сейчас в бой. У каждого по два-три запасных диска.

— Патрорвцы не подведут...

Протокол вел младший сержант Дученко. Он записал: «Единогласно принято: письмо командира полка считать руководством к действиям».

Выступили:

Сержант Рудь. Заявляю собранию: драться буду, не щадя жизни. Не опозорю честь комсомольца.

Сержант Чубенко. Если ранят в правую руку, буду стрелять левой, а если и в левую, зубами грызть стану фашистов, но не отступлю.

Старший сержант Копнев. «Максим» в порядке. Спуску не дам — отомщу за все свои четыре ранения.

Постановили:

Ни шагу назад! Только вперед! Смерть фашистским оккупантам!

Вечером 19 сентября 1943 года командир полка направил в батальоны связанных с радостным известием: приказом Верховного Главнокомандующего дивизии присвоено наименование «Ярцевской» и в 21 час в честь успешного наступления советских войск столица нашей Родины будет салютовать нам 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

Одновременно с этим сообщением в полк поступила телеграмма Военного совета 31-й армии. В ней говорилось: «Командиру 274 сд тов. Шульге. Военный совет поздравляет вас и весь личный состав с одержанной победой — освобождением города Ярцево. Выражаем благодарность бойцам и офицерам вверенной вам дивизии. Особо отличившихся представить к правительственным наградам. Вперед — на Запад, товарищи бойцы и офицеры! Глуздовский, Рясосов, Русских».

...Второй батальон под командованием капитана Ефима Каширина, выйдя к гряде высот, встретил упорное сопротивление противника. Новая атака намечалась на 21 час. Комсорг батальона Анатолий Горецкий решил проинформировать актив о предстоящей атаке и о высокой оценке командованием армии боевой деятельности полка в последних боях. Устроившись в воронке, черным карандашом торопливо писал на листках ученической тетрадки: «Прочти и передай товарищу! В 21 час атака. В это же время нам будет салютовать Москва. Оправдаем доверие Родины! Ярцевчане, утроим натиск!»

Под этими листовками не было никакой подписи. Но в батальоне знали, что пишет их комсорг. Опыт столь оперативной информации перенял у Анатолия Армаис Каграманов. Когда бойцы ворвались в небольшую деревушку, он прибил к одному из домов фанерный лист с надписью: «Этой дорогой фельдмаршал Кутузов гнал из России надменных французов», — а немного ниже и крупнее: «Еще один бросок — и Смоленск наш!»

Армаис предложил готовить справки о населенных пунктах, которые предстояло освобождать полку, и рассказывать бойцам об их истории, успехах трудящихся в годы предвоенных пятилеток. С помощью офицеров штаба мы стали выпускать бюллетени о тех местах, где полк вел бои.

Не забывали мы и бойцов — уроженцев Смоленской области. Им вручались письма-поздравления с освобождением родных мест. Комсомольки санроты передавали активу письма выбывших из строя солдат товарищам. Особенно брали за сердце наказания белорусов, украинцев к бойцам-смолянам. «На земле, где ты родился, я пролил кровь. Я помог тебе освободить твою родину, помоги и ты изгнать врага из Белоруссии. До нее уж не так далеко. Не останавливайся, не давай немцам закрепиться, гони врага!» — писал своему другу по роте раненый боец Николай Бажан.

В первых числах октября мы вышли к деревне Ермаки. Несколько попыток взять ее успеха не имели. Подразделения закрепились на исходных рубежах. Командир роты старший лейтенант Михаил Сахно пытался связаться с комбатом по телефону, чтобы вызвать артиллерийский огонь для подавления вражеского дзота, но линия оказалась поврежденной. Бойцы залегли на открытой местности. В этот критический момент неподалеку от дзота оказался Степан Головкин. Я видел, как он, пригнувшись, устремился вперед. Пулемет застучал, кажется, еще яростнее. Едва он на мгновение смолк, Степан снова поднялся. И увидели бойцы, как Степан, широко расставив руки, закрыл своим телом амбразуру. Наша атака была так яростна, что никакая сила не могла остановить бойцов.

После боя бережно извлек я из кармана окровавленной гимнастерки Головкин: пробитый пулями комсомольский билет. Небольшая книжечка стального цвета за номером 15151236, хранящаяся у сердца, могла многое поведать о юности простого парня из села Черноводск Сайрамского района Казахстана. С фотографии, порывшейся от запекшейся крови, смотрели задумчивые глаза. Степану шел двадцать первый год. Он вступил в комсомол, когда до начала войны оставались считанные дни. Последняя отметка об уплате членских взносов была сделана в октябре 1943 года.

Алеша Васюков, член комсомольского бюро полка, сообщил мне, что в ночном бою выбыли из строя комсорги стрелковой и пулеметной рот. Кого назначить вместо них?

— У командира полка, комбатов, командиров рот предусмотрены заместители. А почему среди партийных и комсомольских работников этого нет?— спросил Алеша.

Это была дельная мысль. Заполнит и парторг полка одобрительно отозвались о предложениях бюро. Из каждого подразделения были отобраны по два-три лучших активиста. С ними провели занятия по изучению Устава ВЛКСМ, директив Главного политического управления. Мы стремились научить товарищей готовить и проводить комсомольские собрания. С планом наших «курсов» познакомился начальник штаба полка майор Андрей Федорович Комиссаров.

— Хорошее дело задумали,— одобрительно сказал он.— Только однобоко к нему подошли. Комсорг роты не протоколист. Надо, чтобы в необходимый момент он мог бы решить и тактическую задачу за командира взвода.

Так в нашей программе подготовки заместителей комсоргов рот появились новые темы: «Стрелковый взвод в наступлении», «Оборудование огневых позиций роты», «Организация огневого сопровождения пехоты».

В нашем полку часто бывал командир дивизии генерал-майор Василий Павлович Шульга. При встречах он всегда интересовался комсомольской работой. Однажды я сказал ему, что некоторым бойцам, принятым в комсомол, не вручают билеты. Генерал полюбопытствовал, в чем причина, и когда узнал, что мы со дня на день ждем из политотдела капитана Николайчука, спросил:

— А почему только он вручает комсомольские билеты?

Я не знал, что ответить. Так уж было принято, что комсомольские билеты вручал помощник начальника политотдела по комсомольской работе.

— Непременно буду у вас завтра,— сказал генерал.— Сам вручу товарищам билеты.

Из беседы комдива с бойцами и офицерами после вручения комсомольских билетов я многое узнал о нем.

В 1922 году стал военным. Он уже участвовал в боях с белофиннами, а мы только оканчивали семилетку. Мы гордились подвигами В. И. Чапаева, десятки раз смотрели фильм об этом герое, а он служил в 74-м Крымском полку 25-й Чапаевской дивизии в должности командира взвода, затем командира роты, начальника штаба батальона. Василий Павлович был уже награжден орденом, а мы делали только первые шаги к значкам «Ворошиловский стрелок», ГТО и ГСО.

По почину командира дивизии комсомольские билеты молодым воинам стали вручать заместители командира полка по строевой части майор Максим Григорьевич Пташкин, член партии с 1918 года, рядовой Лука Иванович Лукин (наш почтальон Лукич), коммунист с 1920 года. Оба участники гражданской войны, награждены орденами, медалями. Большой честью было для молодого воина получить из их рук комсомольский билет с отцовским напутствием.

Перед прорывом гитлеровской оборонительной полосы «Пантера» под Витебском разведчики полка под командованием комсомольца лейтенанта Александра Чугунова получили приказ «прорваться» противника. Прежде чем уйти на задание, они решили написать письмо девушкам-москвичкам, поскольку большинство из них были уроженками столицы. Строчка за строчкой ложились на бумагу теплые, от самого сердца слова: «Здравствуйте, девушки-москвички! Пишут вам это письмо разведчики Н-ской части. Через несколько минут мы уходим на выполнение задания. Наши собратья по оружию — саперы — уже разминуют проходы на нейтральной полосе. До гитлеровцев — рукой подать. Даем слово — задание выполним. Пишите нам. Очень хотелось бы побывать в Москве. И мы будем с вами, но после победы».

...В полку никто не слышал, когда Всесоюзное радио передало в эфир это письмо-обращение. Но мы догадывались об этом по потоку писем, хлынувшего в полк не только от девчат Москвы, Подмосковья, но и с Урала, из Сибири, среднеазиатских республик и даже с Дальнего Востока. Были и коллективные письма от заводских и фабричных девчат, ремесленников, школьников. Все желали бойцам богатырского здоровья, а разведчикам еще и удачи. В некоторые письма были вложены фотокарточки. Девушки сообщали о своей жизни, работе. Разведчики отвечали на первые письма, но когда полковой почтальон Лукич принес сразу более сотни, встали в тупик. На следующий день Лукич доставил два вещмешка.

«Вся Россия с нами. Тяжела ноша, но приятна». Золотые слова сказал Лукич. Их подхватил комсомольский актив.

«Вся Россия с нами!»— это ли не тема большого разговора о единстве тыла и фронта. Такие беседы вскоре состоялись во всех подразделениях.

Тяжелые бои длились несколько суток. Комсомольцы дрались мужественно и самоотверженно. Особенно запомнился единополчанам подвиг члена полкового комсомольского бюро лейтенанта Василия Суворова.

Несколько контратак противника провалились. Пользуясь темнотой, враг начал новую. Пытаюсь сбить нас с толку, гитлеровцы горлачили русское «ура». На какое-то мгновение бойцы ослабили огонь, полагая, что это наши соседи участвуют в бою. Противник не замедлил воспользоваться этим. Острые его атаки пришлось отаковать взводу Суворова. От губительного автоматного огня большинство солдат и сержантов выбыло из строя. Замолчал станковый пулемет. Тогда Суворов сам лег к пулемету и в упор расстреливал наседавших врагов. Ствол «максима» настолько накалился, что закипела вода в кожухе и паром выбило пробку. Гитлеровцы окружили отважного офицера. «Рус, сдавайся!»— кричали они. «Русские не сдаются!»— ответил Суворов и, подпустив фашистов поближе, взорвал себя последней гранатой.

Вскоре был освобожден первый польский город Холм (Хелм). В ознаменование одержанной победы наш полк был награжден орденом Красного Знамени.

Очередное заседание полкового бюро я собрал по совету нашего нового замполита майора Соловьева.

— Сегодня в колонне первого батальона,— сказал он,— один пожилой солдат обронил такую фразу: «Перешагнули Буг — перешагнем и Вислу!» Готовый лозунг на ближайшее время. Надо сделать так, чтобы он дошел до сердца каждого воина.

Открывая заседание бюро, я так и объявил: — На повестке дня один вопрос: «Перешагнули Западный Буг — перешагнем и Вислу!»

Информация об итогах работы за последние дни была короткой. Члены бюро и комсорги сообщили, что комсомольцы, воодушевленные успехами на всех фронтах, сражаются героически. Среди воинов полка, представленных к правительственным наградам за героизм, мужество и отвагу во время боев на Западном Буге, 72 комсомольца.

Члены бюро и комсорги батальонов отметили, что, несмотря на тяжелые бои и марши, комсомольская работа ведется беспрекословно, причем актив проявляет все больше инициативы и находчивости. Анатолий Горецкий рассказал, в частности, об оригинальном способе сообщения личному составу сводок Совинформбюро. В дни, когда по радио поступало сообщение об освобождении того или иного города, на коробках с патронами, на ящиках с минами и снарядами, направляемых в роты, делались надписи: «Рава-Русская — наша!», «Владимир-Вольнский — наш!», «Холм взят сегодня» и т. д. Так вместе с боеприпасами доходили до передовых позиций добрые вести об успехах советских войск.

Январь 1945 года на Висле выдался холодным, ветреным. Земля, израненная снарядами, покрывалась ночью толстым слоем изморози. Плацдарм на западном берегу расширился, стал прочным.

В батальонах шла упорная боевая подготовка. Все отлично сознавали, что наступление не за горами.

...В ночь с 12 на 13 января полк занял позиции в районе деревни Игнацев, в 42 километрах восточнее города Радом. 14 января поступил приказ о наступлении. В оставшиеся перед боем часы надо было многое сделать.

В первом часу ночи в траншею собрались все члены бюро. Настроение приподнятое, боевое. Быстро договорились о том, чтобы к 6.00 помочь командованию, партийным организациям батальонов довести до личного состава обращение Военного совета фронта. Как это сделать? Решили во всех ротах провести короткие собрания о роли комсомольцев в бою.

От второго батальона на заседании, помимо Анатолия Горецкого, присутствовал младший лейтенант Василий Титков. Он прибыл к нам на должность комсорга батальона, так как Горецкий должен был уйти в другую часть с повышением по службе.

Титков быстро нашел общий язык с солдатами. Комсомольцы почувствовали в нем бывшего воина не только по ордену Славы III степени, красовавшемуся на груди, но и по строгой военной

выправке, по умению держать себя во время артиллерийских налетов противника и бомбежек. Василий отлично знал все стрелковое вооружение, имевшееся в батальоне, а это тоже повышало авторитет комсомольского работника.

До утра мне надо было побывать в нескольких ротных комсомольских организациях, посмотреть еще раз, как комсорги батальонов расставили актив. Прощаясь с Анатолием, я обнял его и сказал, что он оставляет о себе в полку добрую славу, что мне жаль с ним расставаться, хотя именно я рекомендовал его на должность комсорга полка.

— Погоди прощаться-то. Завтра увидимся,— проговорил он.— Пойдем лучше к майору Соловьеву, пусть он задержит меня на время наступления. А то неудобно получается: батальон в атаку, а я — в тыл. Да и Титкову надо помочь в наступлении.

Я рад был такой просьбе. Майор Соловьев позвонил в подив, и Горецкому разрешили задержаться в полку на несколько дней.

Бои с каждым днем принимали все более ожесточенный характер. На подступах к Познани дальнейшему продвижению батальона майора Биденко мешало сильное сопротивление фашистов, заставших в полуразрушенном костеле и в окружающих его хозяйственных постройках.

Тем временем другой батальон вырвался далеко вперед. Создалась угроза отрыва его от артиллерийских частей непосредственной поддержки. Командир полка приказал Биденко составить несколько штурмовых групп для подавления сопротивления противника.

Анатолий Горецкий с разрешения Биденко остался вместе с бойцами штурмовых групп. В одной из воронок он нашел ротного командира старшего лейтенанта Савченко, которому было поручено возглавить уничтожение опорного пункта врага.

— Ох, как мешает костел! Не иначе как под крышей наблюдатели. Смотри, как бьют по нашим,— указывая рукой в сторону отходящих рот, говорил Савченко.

Противник действительно переключил все свое внимание на роты, смещавшиеся туда, где находился вырвавшийся вперед батальон.

— Надо воспользоваться этим,— заметил Горецкий.— Момент самый подходящий. Не возражаешь, если со мной к костелу пойдут Сенько и Сулейманов?

В костеле как будто никого не было. Вдруг сверху раздалась автоматная очередь, за ней вторая, третья... Бойцы, прыгнув к стене, словно по команде, вскинули свои автоматы и дали ответный залп.

Посыпалась штукатурка, потом на пол рухнул гитлеровец. Сенько вставил новый диск и, ведя огонь короткими очередями, стал взбираться по винтовой лестнице наверх. На одной из площадок на него сзади навалился фашистский солдат. Сенько упал, над ним сверкнул штык, но Горецкий сразил фашиста автоматной очередью. Сулейманов стрелял по темным углам костела. Вдруг кто-то дико закричал:

— Гитлер капут, Гитлер капут!

Горецкий, держа наготове гранату, выглянул из-за балки. Подняв руки, на коленях стоял солдат.

Подойдя ближе, Анатолий увидел, что немец был прикован толстой железной цепью к стропилам. Рядом с ним стоял пулемет.

Разломав черепицу, Горецкий вылез на крышу и воткнул древко флага в расщепленную снарядом тесину. Алое полотнище забилось на ветру. Снизу послышались крики «ура» и дружные залпы бойцов штурмовых групп. Горецкий огляделся. Перед ним открывалась панорама боя. Впереди, скрываясь в кустарнике, бойцы батальона Биденко спешили на помощь товарищам. Теперь им ничто не мешало двигаться вперед. Слева за лесом рвались снаряды. В облаках разрывов виднелись наши танки.

В это время раздался оглушительный взрыв. Столб кирпичной пыли, перемешанный с сухой известью, взвился за костелом. Когда пыль рассеялась, Горецкий увидел большую группу немцев, шедших с тыла в боевые порядки батальона.

Горецкий выдернул чеку «лимонки», замахнулся, но пулеметная очередь полосула его по ногам. Он покачнувшись и со взведенной гранатой упал вниз.

— Прощайте! Бейте их!— донесся до Сулейманова и Сенько голос Анатолия, и в ту же минуту в гуще фашистов раздался взрыв.

Подвиг боевого вожак комсомольцев второго батальона видела десятка бойцов штурмовых групп. Они с яростью набросились на врага, и скоро опорный пункт обороны врага был взят.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 10 [1152]

МАЙ
1975

НАША ОБЛОЖКА: рисунок
художника Геннадия ПОВОЖИЛО-
ВА к роману М. А. ШОЛОХОВА
«Они сражались за Родину».

ЗА
СЕБЯ
И
ЗА
ТОГО
ПАРНЯ

ТАК ЭТО БЫЛО НА ВОЙНЕ

1

ТАК ЭТО БЫЛО НА
ВОЙНЕ.
Из записок комсорга
полка.

8

К 70-ЛЕТИЮ
М. А. ШОЛОХОВА.
НАСТАВНИК —
ЗНАЧИТ ДРУГ...

12

КРАСОТА РОДНОЙ
ЗЕМЛИ:
КАБАРДИНО-
БАЛКАРИЯ.

20

НАБАТ ЗОВЕТ...

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ» — БАМ.
ИДУТ ПЕРВЫЕ ПЕЗДА

ПОРТ. РЕПОРТАЖ ИЗ ИЛЬИЧЕВСКА

КОММУНИСТ. СТАЛЕВАР ЧАЛКОВ
И ЕГО СЫНОВЬЯ

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий [заместитель
главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский,
Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Сту-
ков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Л. И. Курлыкова

XXV
СЪЕЗДУ
КПСС —
ВДОХНОВЕННЫЙ
ТРУД
РАБОЧЕЙ

МОЛОДЕЖИ.
ДЕВИЗ ДНЯ.
ПЯТИЛЕТКЕ —
УДАРНЫЙ
ФИНИШ!

Сергей СМОРОДКИН,
Альберт ЛЕХМУС (фото),
специальные корреспонденты
«Смены»

С начала вот о чем.
Была одна минута, даже,
пожалуй, мгновение, когда
входили мы с Сережей Пи-
чугиным, бригадиром ком-
сомольско - молодежной
бригады слесарей моск-
овского станкостроительного
завода «Красный пролетарий», в вы-
сокий, темноватый цех, а навстречу
нам по узкому проходу, заставлен-
ному станками, заваленному готовы-
ми деталями, шел рабочий на кость-
лях. Шел он небыстро, привычно и
ловко кидая свое литое тело между
станками, шел, вроде и не глядя под
костыли, под единственную свою но-
гу. Вспыхнула, затрещала, рассыпая
багровые искры, электросварка, и ли-

В ТЕ ДНИ И ВСЕГДА

ВИКТОР ТРИФОНОВ — МАСТЕР СВОЕГО ДЕЛА. КАЖДОЕ ДВИЖЕНИЕ У НЕГО ВЫВЕРЕНО, КАЖДАЯ МИНУТА РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ НА СЧЕТУ.

цо человека, немного запрокинутое вверх, было в этом пронзительном свете очень молодым. Но это только показалось. Сместился призрачный свет, человек поравнялся с нами, мы посторонились, и увидел я, что рабочий вовсе не молод, волосы побил седина, морщины иссекли желтоватую кожу у глаз и на лбу.

— Сафонов... Наш... — негромко сказал Сережа. — Сергей Иванович еще до войны на заводе работал. Слесарь. После войны снова вернулся... Минометчиком на фронте был...

НОВОЕ СЛОЖНОЕ ЗАДАНИЕ. ТУТ НУЖЕН «КОЛЛЕКТИВНЫЙ РАЗУМ». РЕБЯТА ИЗ БРИГАДЫ СЕРГЕЯ ПИЧУГИНА ПРИКИДЫВАЮТ, КАК ЛУЧШЕ И БЫСТРЕЕ ЕГО ВЫПОЛНИТЬ.

Он помедлил и, чтобы не было неясности, как-то сухо и официально добавил:

— Работа у Сергея Ивановича сидячая: прокладки для станков режет. Один из лучших закройщиков.

Снова тревожно вспыхнула сварка, высвечивая точки от костылей, оставшиеся на блестящем, жирном от масла полу, и что-то будто обожгло меня. Обычные, такие знакомые сигналы точного времени, слабо донесшиеся из репродуктора сквозь гул цеха, отбили иное, совсем другое время.

...Увидел я себя худым пацаном, остриженным, как тогда полагалось, под нуль. Увидел послевоенный госпиталь для тяжелораненых: палату, бинты с расплывшимися пятнами, запавшие глаза, острые, восковые носы солдат. А мы по поручению совета дружины читаем «Стрхи о советском паспорте», поем под трофейный аккордеон «Катюшу», «Летят перелетные птицы», «Землянку» и еще по специальной просьбе и сверх всякой программы «Давай, товарищ, закуришь по одной».

Мы приходили в свою палату — номер семнадцать — не раз и не два и знали всех раненых: и кто откуда родом, и у кого какие и за что боевые награды, и какое ранение. Мы писали письма под диктовку или так — от себя, на всю жизнь запомнил названия вологодских, калужских, архангельских и других российских деревень. Только один солдат, весь занованный в гипс, как в скорлупу, не писал, не получал писем, не разговаривал с нами да и вообще ни с кем в палате. Он и есть-то не мог, не то что говорить: кормила его старушка нянечка с ложечки, как я свою маленькую сестренку.

Мы пели песни и читали стихи в палате в один такой же вот весенний день, когда почувствовали вдруг, что петь не надо: все раненые глядели на койку, где лежал молчаливый солдат. Потом пришли санитары, положили негнущееся тело на носилки, накрыли простыней и унесли. Мы онемело смотрели на пустую койку со смятой еще подушкой, прислушиваясь к шаркающим, уходящим все дальше и дальше шагам.

— И война кончилась, — шепотом сказал кто-то из раненых. — А все бьет и бьет...

Почему же я вспомнил сегодня ту послевоенную и далекую весну? И палату? И эти слова?

— Все бьет и бьет...

Наверное, Сережа тоже думал о чем-то своем; потому что медленно и доверительно, будто знакомы давно, сказал:

— Вчера из дому письмо получил — батя в больнице. Обезножил совсем. Как он там? Беспokoйный такой и без ног? Верись, как с фронта пришел — в отпуске ни разу не был. Все работал, все работал...

И вдруг заторопился, кивнул головой в сторону конторки мастера, выгороженной в углу цеха:

— Пошли, я же тебе документы да обязательства наши показать хотел.

И мы пошли дальше. Пошли через цех, вернее, через четвертый его участок, который жил размеренной своей жизнью: металл раскраивали, резали, гнвали, сваривали, сверлили, правили, шлифовали, проходили еще раз, напоследок, напильником или «бархатно» шкуркой — и вот она, готовая продукция, уже едет на электрокаре из цеха на сборку. Едет «одежда» токарных станков — щитки, поддоны, короба, венцы, шкафы и еще десятки и десятки деталей, без которых «король» — новейший станок с числовым программным управлением — пока еще «король голый». И тут нет преувеличения: для одного только серийного токарного восьмидесятидюймового полуавтомата 1К282 участок выпускает детали более двухсот наименований. Сами судите: куда годен станок без одежды? Сережа шел чуть вперед, слегка притрагиваясь темной, в масле рукой к готовым деталям, к их синеватым, еще

не окрашенным бокам, будто проверяя точность размеров или качество обработки.

— Знаешь, — сказал бригадир как бы между делом, — мы с ребятами часто на всякие зарубежные выставки ходим. Как станки привезут — идем смотреть, сравнивать: лучше, хуже, на уровне. Сам понимаешь, как когда... А вот по качеству «костюма» многие фирмы мы обходим. Факт.

Сережа прав: почти две трети станков выходят из заводских ворот с государственным Знаком качества. Краснопролетарцы сегодня стараются работать под девизом «Любой станок со сборки можно отправить на экспорт».

Между прочим, именно здесь, на «Красном пролетарии», выпустили первый наш советский токарный станок — знаменитый ДИП-200, который хорошо знает не одно поколение токарей.

ДИП-200 хорошо знали и за границей. До сих пор за рубежом самые новейшие станки «Красного пролетария» (а продукция завода идет в сорок с лишним стран) называют ДИПами.

Вот что значит марка!

И еще одно. Именно на «Красном пролетарии» впервые в практике мирового станкостроения было внедрено поточное производство. Было это весной 1945 года.

— Поначала задача казалась невыполнимой, — вспоминал позднее П. Таранчев, который был тогда директором завода, — за три месяца в три раза увеличить производство нашей тогдашней продукции — станков ДИП-20М. При этом ни метра свободной площади мы не имели. Была создана инженерная бригада, работавшая над новой технологией и проектированием оснастки. Составили четкий план всех необходимых мероприятий — выполнение их контролировалось ежедневно. В реконструкции цехов участвовали все заводские подразделения.

С великим трудом нашли мы возможность с первого по седьмое марта остановить производство. Работали эту неделю и день и ночь. И вот, кажется, все готово. Утром, в понедельник, прихожу в цех: рабочие включили ролянг и катаются. Так сказать, знакомятся вплотную с новой техникой... Ведь кто тогда работал?

Мальчишки и девчонки — рано повзрослевшие дети военной поры. Как сейчас вижу их перед собой: Ячменеву, которая возглавляла лучшую комсомольско-молодежную бригаду, Мамину, Янкину, Муравьеву и многих других комсомольцев-краснопролетарцев... Их руками тоже ковалась Победа.

Так начиналось сегодняшнее поточное производство. Добавлю от себя: всего через три месяца после окончания войны завод вышел на довоенный уровень производства станков.

Мы разговаривали об этом с Сережей, с его ребятами — молодыми слесарями Виктором Трифоновым, Владимиром Крыловым, Алексеем Ермишкиным, Виктором Чепухиным, которые тоже подошли в конторку.

— О чем говорить? Гвардия сильная была, — говорит Володя Крылов.

— Почему была? — перебивает Чепухин. — Есть. Бывает, из кожи лезешь, а попробуй Юдина или Реброва обойти? Мастера. А мы еще... Да что там...

Чепухин машет рукой.

Это говорит Виктор, у которого пока самый высокий разряд в бригаде — четвертый. Я наблюдал за его работой: Чепухин сверлил отверстия в одной из деталей. Движения у него были точные, выверенные, все необходимое под рукой. Даже ящик, в который он складывал готовые детали, специально подставил повыше, чтобы не нагибаться. Иногда говорят о мастере, хорошем профессионале, что он работает, словно играет. Виктор работал сосредоточенно, лицо было закаменевшее, с мелкими ка-

пельками пота. Нет, это не было игрой. Глядя на работу Виктора, кажется, сам ощущаешь, как трудно входит сверло в металл. Но человек сильнее, и он преодолевает это сопротивление, не смотря ни на что.

Алексей Ермишкин через день или два выполнял ту же операцию, что и Виктор Чепухин. У него разряд пока третий, но учитель его, Петр Андреевич Юдин, уверенно сказал, что Алеша скоро будет работать по четвертому. «Рука у него легкая, — пояснил Петр Андреевич. — Ему бы штучную работу только и делать. Я уж и мастеру говорил, да не всегда есть возможность...»

— Может, слышали: село Богданово, — говорил мне Алеша, пока его руки свободно и раскованно делали свое дело. — Я там родился и жил. Километров сто от Тамбова. Не слышали? Маленькое село. После войны так и не поднялось. Дворов, может, десять сейчас осталось...

Лицо у него задумчивое. Но как же споро и легко работают его руки: берут заготовку, подводят сверло, передвигают, отводят инструмент, и вот деталь падает с тихим звоном в деревянный ящик.

И когда в конторке читал я индивидуальное социалистическое обязательство Алеша, я все вспоминал наш разговор и искал в незатейливых строчках что-то от высокого этого парня с мягкой улыбкой. Но, кажется, все было, как и у других слесарей: «...Выполнять 450 нормо-часов ежемесячно; повысить производительность труда в 1975 году на 20 процентов; содержать рабочее место в образцовом порядке; повысить разряд на одну ступень; подать два рационализаторских предложения». И только пункт третий: «Выполнять норму за принятого в нашу бригаду краснопролетарца Владимира Спиридоновича Быко-Янко» — Алеша дописал по-своему: «...как отдавшего свою жизнь на Отечественной войне в 1942 году, чтобы мы жили».

Мы сидим с ребятами в конторке, читаем документы, рассматриваем довоенные снимки. Володя Быко-Янко, прищурясь, смотрит на нас с любительской фотографии.

Один из 448 краснопролетарцев, отдавших свои жизни, чтобы мы жили. Учился в ФЗУ при «Красном пролетарии». Жил в заводском общежитии на Мытной, 23. Работал слесарем на первой сборке. Был секретарем комитета комсомола завода.

Потом срочная служба в армии. Учеба в Московском военно-политическом училище. Перед самой войной Владимир Быко-Янко был назначен комиссаром подводной лодки Ц-304.

Был женат. 6 августа 1941 года у него родилась дочь, которую он, наверное, и не успел повидать.

«БРИГАДА ПОДВОДНЫХ ЛОДОК КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА. 7/1 1943 г. НАСТОЯЩИМ УДОСТОВЕРЯЕТСЯ, ЧТО МУЖ ВАШ, СТАРШИЙ ЛЕЯТЕНАНТ БЫКО-ЯНКО ВЛАДИМИР СПИРИДОНОВИЧ. ЗА ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВЫХ ЗАДАНИЙ КОМАНДОВАНИЯ НА ФРОНТЕ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ И ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ЭТОМ ДОБЛЕСТЬ И МУЖЕСТВО НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМИНИ».

ОСНОВАНИЕ: ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО КБФ № 45 ОТ 23.07.42 г. КАПИТАН 3-го РАНГА РАДЧЕНКО».

— Эта справка пришла уже после гибели Володи, — говорит Сережа Пичугин. — Подлодка называлась «Комсомолец». За ней гитлеровцы специально охотились. Только в двух последних походах лодка потопила шесть фашистских транспортов. И это на Балтике. Фашисты Финский залив двумя рядами противолодочных сетей перегородили. Мин поставили-понакидали. Нам Ребров рассказывал. Он ведь тоже на Балтике воевал — старшина сторожевого катера.

— Расскажи про эпизод под Палдиской, — напоминает Володя Крылов. — Мы недавно о нем узнали...

— Там дело было так. Лодку сторожевики засекли и глубинными бомбами стали забрасывать. Судно ударило о каменное дно так, что заклепки повывлетали. Вода стала просачиваться. Володя работал вместе со всеми, заделывая щели, по пояс в воде, смешанной с мазутом, и еще шутил, смеялся...

— Веселый был парень. С кем на заводе о нем ни заговоришь, первым делом вспоминают: любил петь, любил пошутить. Еще плясал здорово. Одним из первых на заводе стал «Ворошиловским стрелком».

— Ну, тогда многие стреляли хорошо, — говорит Сережа. — Даже девчата. Наша заводская женская пулеметная команда первое место перед войной держала. Я в школе, в шестнадцатой, в подшефном нашем классе рассказывал девчатам — не верят. А было...

Чепухин улыбается, вспомнив, видно, что-то связанное с этим подшефным классом.

— Помнишь, пришли они к нам на участок. Посмотрели, поудивлялись. А потом парнишка один меня спрашивает: «Как же это вы за двух человек успеваете работать?» А я ему: «Ручками за двух человек, может, и не поспел бы, а вот головой — и за трех можно». Показываю ему разные приспособления. Вот это, говорю, две минуты нам сберегает. Это — шесть. А если вот такое приспособление применить — одну деталь для станка 16К20 можно изготовить за восемнадцать минут вместо сорока двух. «Выходит, вы каждую минуту считаете?» — удивился паренек. «Выходит, так». «А чего я тогда с уроков сбегать?» «Во, логика с психологией!»

Мы смеемся.

Алеша Ермишкин в разговор не вступает. Держит на ладони темный кусочек картона — невозвратное, оставшееся мгновение. Смотрит с легким прищуром молодой слесарь Володя Быко-Янко. Смотрит прощально на Алешу, на нас.

— Ребята, — говорит Ермишкин. — А ведь у него песня любимая была. Помните?

Губы его начинают шевелиться, и сквозь шум и грохот участка, визжание металла, ровное гудение станков и уханье пресса слышим мы негромкие слова:

Якорь поднят. Вымпел алый
Вьется над флагштоком.
Краснофлотец, крепкий парень,
В путь идет далекий.

...Заканчивается рабочий день. Расходятся по своим местам ребята. Озбоченный бригадир Сережа Пичугин. Мягкий, улыбочивый Алеша Ермишкин. Напряженный, как струна, Виктор Чепухин. Цепкий, приглядывающийся к тому, как работают слесари-ветераны, Володя Крылов. Молчаливый Виктор Трифонов.

Бригада Сергея Пичугина работает за себя и за краснопролетарского парня слесаря Володю Быко-Янко. Он отдал свою жизнь на Великой Отечественной войне в 1942 году.

Чтобы мы жили с тобой, товарищ,

Я снова пришел на завод в тот солнечный апрельский день, когда утренние газеты напечатали Постановление Пленума ЦК КПСС: «Советская коммунистическая партия Советского Союза 24 февраля 1976 года». Комсомольско-молодежная бригада Сергея Пичугина работала, как обычно, слаженно и четко, в едином, вдохновенном ритме. Это стало уже традицией — встречать каждый партийный съезд ударным трудом. До открытия съезда оставалось еще десять трудовых месяцев, но каждый из них, каждый трудовой день бригада обещала работать так, чтобы страна расцвела и крепла, уверенно шагая вперед...

НОВОЕ ИМЯ

А я опять о том —
О воле и Отчизне,
Разгоряченным ртом
Глотая ветер жизни,
О крике пустельги
Над рыжими хлебами,
Попробуй здесь солги,
Когда вздымают знамя
Алое —

зари —
Синяющие своды.
Здесь, где ни посмотри,
Витает дух свободы!

У осеннего пруда

Возле разошедшей лодки
Мы истину вдруг обнимем:
Что век-то наш слишком короткий,
Чтоб все для нас было чужим.
И этот листок порыжелый,
Плывущий в воде ледяной,
И этот вот крик оголтелый
Грачинный

нам тоже родной.
Сегодня по многим причинам
Природе особенно льстит,
Что голубем сизым, единым,
Дыхание наше летит...

О первом Болдинском стихотворении

Церковь, пруд, за частоколом
Деревянный дедов дом,
Рожи — рыжим ореолом
На холмах да степь кругом.
Неприметное селенье.
Неустроенность, хандра.
Но как чудо — вдохновенье!
И полет, полет пера!..
Строки складываются ловко,
Пусть завидуют враги!
Где-то там балы, помолвка,
Бесконечные долги.
Еще сплетней не измучен
И не венчан с Натали.
«Мчатся тучи, вьются тучи» —
Свечи в Болдине зажгли...

Лунный серп, да саманные клетки,
Да овчинный дедов тулуп —
Что мне нужно еще в этом свете
Без твоих неулыбчивых губ!
Что мне нужно еще в этом мире...
Лишь побыть в тишине, одному
Не в уютной беспечной квартире,
А в простом деревенском дому.
Ничего-то осмыслить не тщиться,
А понять вдруг легко

среди полей:
Что ведь большего
мог я лишиться —
Ощущенья утраты своей...

Я с радостным чувством читаю стихи молодого поэта из Коломны, слесаря-оператора Всесоюзного научно-исследовательского тепловозного института Олега Кочеткова. В них есть, на мой взгляд, самое главное, что нужно человеку, пишущему стихи. Он не отделяет судьбы от поэзии. Его собственная трудовая биография, его армейская служба, его личная жизнь в стихах существуют в полном объеме.

Кочетков — поэт, думающий о времени сложно и напряженно. Тема Родины, кровные связи с землей, осознание себя как части, как звена в поколениях дедов и отцов создают в стихах Кочеткова необходимую для русского поэта атмосферу.

Поэзия его по-настоящему лирична, и это тоже свидетельство того, что он лучше свои стихи пишет в русской традиции, основными свойствами которой являются душевная искренность и правдивость чувств. Недаром один из любимейших современных поэтов Олега Кочеткова — Николай Рубцов.

Есть в стихах Кочеткова много несовершенного, неумелого, грешит он порой мелковатыми альбомными интонациями, но в основном он человек одаренный, к поэзии относится серьезно, я бы даже сказал, истово, и все это позволяет мне с уверенностью представить молодого поэта читателям «Смены». Олег Кочетков был участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей.

Станислав КУНЯЕВ

Олег КОЧЕТКОВ, слесарь-оператор

Фото Анатолия ХРУПОВА

Ах, для полного счастья мне нужно лишь, чтобы
Неизбывным в душе было чувство тревоги.
Лишь пройти бы опять, скинув пыльную обувь,
По заросшей травой деревенской дороге.
Ничего не придумав мудрее и лучше,
Лишь пройти, озираясь окрест с интересом.
И, увидев над лесом лохматые тучи,
Спохватиться — лохматые тучи над лесом!..
Вот и осень близка... пока этому внемлю,
До тех пор будет полниться сердце словам.
До тех пор буду счастлив, пока эту землю
Согревать не отвыкну босыми ступнями...

Песнь услышав иную,
Настоящих кровей,
Веселясь иль тоскуя,
Подчиняемся ей.
Грудь пронзают нам остро
Слова — что ножи.
Все так близко и просто...
А попробуй — сложи!

А день встает во всем величьи,
Ломя ледины.
В нем рев моторов, крики птичьи
Сплелись в едино.
Приокский берег. Экскаватор.
И запах ила.
И ветер резкий, сыроватый —
Все охватило
Меня упругой новизною,
Дыханьем ярим,
Всепобеждающей весною,
Ее угаром...

Лето уходит, и скоро
Ветра зашумят, и опять
Дождусь я того разговора,
Которого ввек не понять.
Он зреет в алеющих кистях
Рябины, и в галдене грачей,
И в тронутых сыростью листьях,
И в шелесте чутких ночей.
Исполнены скрытых значений
И роцца, и небо, и луг.
Пропахли антоновкой сени,
Как грустно и зябко воюрг!..

Опять иду по зябкому жнивью
Над тихой, остывшею рекою.
И вновь себя на мысли той ловлю,
Что нет на свете большего покоя,
Чем в этой захоластной стороне,
Лишь чудом уберегшей от прогресса
Классические вздохи при луне
И таинство мерцающего леса.
Знобящую, задумчивую даль —
От телеграфных сереньких распятий,
Мою об этом ветхую печаль —
От чисто обывательских понятий.

Зачем польною пахнут звезды,
Шуршит так чувственно трава,
И жаждешь необычных слов ты,
Сама ж скупилась на слова.
Зачем простор такой знобящий,
И не слышать ничьих шагов,
Впервые рядом — никого,
Лишь дух земли густой, горячий.
Зачем спокойно, так спокойно
Луна течет над головой,
И, как стреноженные кони,
Стога боятся нас с тобой!..

РЕШЕНИЯ XVII СЪЕЗДА КОМСОМОЛА

ЧТО СДЕЛАНО, ЧТО ПРЕДСТОИТ

Строка из резолюции

Развернуть массовое движение молодежи за высокое качество работы, за мастерство, за честь заводской марки. Активно участвовать в реконструкции и технической модернизации предприятий, в пропаганде и внедрении передового опыта и достижений новаторов.

Геннадий ШАРОНОВ,
начальник управления Госнадзора
Госкомитета стандартов
Совета Министров СССР

еще в начале 60-х годов вышел фильм под весьма показательным названием — «Стандарт — это хорошо!». Хотя прошло немногим более десятилетия, уверен, что теперь подобное утверждение вызовет лишь снисходительную улыбку: позволите, а кто спорит, что стандарт — это плохо?!

Плохо совсем другое. Плохо, когда не выполняются требования стандартов, требования, которые определяют основные технические и экономические показатели выпускаемой продукции, а также сырья, комплектующих изделий, технологического оборудования, используемых при ее изготовлении.

В наш век массового и крупносерийного производства, в век механизации и автоматизации производства, появления новых материалов и но-

вых отраслей промышленности роль стандартизации неуклонно возрастает. А если учесть, что наше народное хозяйство взяло курс на резкое улучшение качества, то можно с полным правом утверждать, что стандартизация стала незаменимым средством осуществления в стране единой технической политики, управления качеством производимой продукции. Только на базе стандартов можно комплексно решать проблемы качества, охватывая все стадии производства, каждое предприятие, каждую отрасль и все народное хозяйство в целом.

Роль стандартов как действенного средства управления качеством определяется не только тем, что он содержит технические требования. Стандарт — это и правовой документ, имеющий обязательный характер. Его несоблюдение карается законом.

В последнее время газеты, журналы все чаще пишут о том, что органы Госнадзора применили к тому или иному предприятию экономические санкции. Что это значит? Если заводу или фабрике удастся сбывать нестандартную продукцию, то вся сумма прибыли от реализации отчисляется в

СЛОЖЕТ ДЛЯ ПРОИЗВО

Слава ТАЙНС,
слушатель ВПШ при ЦК КПСС

Начала говорил только Алексей Криулин. Был он молод, подтянут, претензии излагал четко, по-деловому. Сидящий напротив Петр Иванович Кривенко, человек солидной наружности, виновато улыбался, согласно кивал головой.

Я попал, как говорят, с корабля на бал, ввалившись в кабинет начальника без звонка, прямо из аэропорта. Действие происходило в Ставропольской межобластной лаборатории государственного надзора (МОЛГН).

Контролер Госстандарта СССР докладывал о результатах проверки Черкесского филиала мебельной фирмы «АРХИЗ». Глава фабрики приехал без вызова, добровольно. Еще бы, сорвешься с директорского кресла: у тебя нет ни одной рекламации о браке, товар идет с колес, а производство закрывает какой-то парень из госнадзора.

Небывалый случай!

Действительно, фабрика работала бойко, выдавая дефицитный товар — стулья. Дело надежное, дело прибыльное. Никто не роптал, не обращал внимания на маленькие изъяны: подтеки краски, торчащие шурупы... И вдруг заключение: 20 процентов продукции не соответствует стандарту, реализацию запретить. Обидно. Петр Иванович Кривенко откровенно сокрушался: не ожидал такого серьезного оборота. «За три последних дня столько пережил! — исповедовался он. Потом добавил: — Все виновные наказаны, все недостатки ликвидируем быстро». В голосе директора послышались жалобные нотки: не такие уж, мол, мы плохие и незачем использовать данные вам права на полную катушку. Ведь в первую очередь от этого страдает тот, кому нужны стулья...

Но Иван Сергеевич Трембач, начальник лаборатории, хотя и говорил дружелюбным тоном, был неумолим. «Речь идет об обязанностях, а не о правах», — пояснил он директору фабрики. — Государство обязывает предприятия выпускать качественную продукцию, нас же — принимать жесткие меры против бракоделов. На первый раз мы не применяем к вам экономических санкций и даем месячный срок для устранения обнаруженных дефектов».

Однако Кривенко не очень приободрился, услышав столь мягкий приговор. Его голова быстрее ЭВМ произвела подсчет предстоящих убытков...

Через несколько дней уже сам генеральный директор фирмы Парлюк Павел Данилович восседал на месте Кривенко в окружении своей свиты — главного инженера, начальников ОТК и техотдела. Дотошный контролер Алексей Криулин решил копнуть поглубже и нанес визит главному предприятию «АРХИЗ». В отличие от фабрики, спокойной живой в стороне от маршрутов лаборатории

госнадзора, ее старшая компаньонка пользовалась особой любовью МОЛГН. Первой проверкой в 1972 году было обнаружено 30 процентов брака в готовой продукции. В результате — временный запрет на ее реализацию. Повторный контрольный осмотр в том же году вновь зарегистрировал отклонение от норм стандарта. Кроме скрытой экономической санкции, на сей раз на предприятие уже был наложен штраф в 75 тысяч рублей. В 1973 году никаких претензий. МОЛГН вычеркнула фабрику из «черного списка».

И вот снова контрольная цифра качества продукции раздвоилась — 10 процентов брака...

Алексей Криулин монотонно перечислил все виды обнаруженных дефектов. В комнате воцарилась тишина. Все чувствовали себя неудобно. Речь шла о столах для школьников. Тоже дефицит.

На первый взгляд казалось, что претензии слишком мелочные. И все понимали, что даже небольшие перебои в производстве больно отразятся на школах. Но Иван Сергеевич, подводя черту обсуждению, сказал: «Извините, Павел Данилович, что приходится вновь применять к вам жесткие меры. Поверьте, нам бы этого не хотелось. Тем более, что вы недавно помогли нашей лаборатории во время ремонта. Но увы». Решением МОЛГН из плана годового предприятия «АРХИЗ» изымались 10 процентов изготовленных с начала 1974 года школьных столов. Это 28 тысяч рублей убытка. Плюс неучтенные потери от временной «нетрудоспособности», то есть опять же месячный срок на отладку производства.

Ставропольская лаборатория госнадзора не только наделена большими полномочиями, но и не стесняется пользоваться ими. Только за шесть месяцев прошлого года общая сумма учтенных потерь промышленных и сельскохозяйственных объектов края достигла удручающей министерства и ведомства цифры — 5 миллионов рублей. Приплюсуйте сюда загубленные миллионы на вынужденные простои предприятий и получите кругленькую сумму понесенного Ставрополем ущерба «по вине» МОЛГН. Но действительно ли виновата лаборатория госнадзора, наводящая страх на директоров фабрик и заводов? Не слишком ли она увлекается, «прикрываясь» буквой закона, жесткими санкциями за незначительные, казалось бы, отклонения от утвержденных стандартов? И вообще почему Ставропольская МОЛГН развила такую активность?

Первый пробный камень, как описывает биографию МОЛГН Трембач, был заброшен в 1969 году. Тогда Иван Сергеевич возглавил эту лабораторию. За его плечами было 26 лет службы в рядах Советской Армии и солидный стаж работы инженера-экономиста. Трембач не был службистом, он принадлежал к плеяде новой технической интеллигенции, военным специалистам, оснастившим нашу армию современными средствами обороны. Высокая дисциплина, сознание своего долга перед Родиной и партией — эти качества, выработанные Трембачем, помогли ему на новом посту сразу же занять непримиримую позицию к бракоделам. До него на лабораторию госнадзора смотрели как на назойливую, но безобидную муху. И от нее

нетерпеливо отмахивались. Майор запаса после первого осмотра своего отряда остался им доволен: в основном молодежь. Можно вести в атаку. И после небольшой разведки боем начал наступление. Первый удар пришелся по Ставропольскому инструментальному заводу. Здесь лаборатория зафиксировала 50 процентов брака в готовой продукции. И она наложила вето на все производство. Не помогли руководству СТИЗа ни звонки, ни хождения в инстанции. От решения МОЛГН отмахнуться на сей раз не удалось. Лишь спустя 10 месяцев, убедившись, что завод твердо встал на ноги, лаборатория сняла свой запрет.

Еще более ошутимый удар лаборатория нанесла в 1971 году Кочубеевскому заводу автоспецоборудования, поставляющему свою продукцию в 16 стран мира. Предприятие наряду с зарекомендовавшими себя за границей промышленными изделиями выпускало серийно для «Сельхозтехники» винторезные станки второго класса точности. При проверке оказалось, что оборудование, на котором изготовлялись станки, не соответствовало современному производству, поэтому и продукция «хромала». МОЛГН запретила заводу выпуск этих станков до создания соответствующих технологических условий. До сих пор вето не снято. Завод пока не в силах представить МОЛГН образцы новой продукции, так как еще не освоил выделенные ему министерством 6 миллионов рублей на реконструкцию забракованных производственных линий.

Объявленная МОЛГН война бракоделам из локальной быстро переросла в глобальную. Лаборатория возглавила поход за качество. Вообще-то это слово давно уже стало носителем нескольких степеней — низкое, среднее и высокое. МОЛГН же заявила: дайте нам просто качественную продукцию. Так начинался первый этап борьбы МОЛГН против устоявшейся рутины, поблажек бракоделам. То, что Ставропольская лаборатория госнадзора перестала смотреть сквозь пальцы на выпуск недоброкачественной продукции, не только личная заслуга Трембача и его коллег. Слово «качество» вошло в активный словарный запас руководителей фабрик и заводов, совхозов и колхозов. Но, увы, пока еще многие употребляют его формально. Иначе как можно объяснить тот факт, что даже работники ОТК, получающие зарплату за контроль продукции, снижали, а порой и утратили свою бдительность? Ведь 50 процентов брака среди маркированной продукции СТИЗа — это ЧП. Но у заводского контролера подчас рука не поднимается обнаружить процент брака выше допустимого. Ведь тогда горит план предприятия, и рабочий коллектив лишается премиальных. А если контролер заартачится, то директор просто-напросто берет реализацию товаров «с небольшими дефектами» под свою ответственность. И все. Вот почему государство вынуждено было не только наделить особыми полномочиями Госстандарт СССР, но и закрепить их законодательно. В обращении ЦК КПСС к партии, к советскому народу подчеркивалось, что борьба за качество — одна из главных задач нынешней пятилетки. Короче говоря, были созданы объективные предпосылки для решитель-

госбюджет. Кроме того, в отчете предприятия о выполнении плана сумма от реализации продукции низкого качества не засчитывается. Строгая мера? Безусловно. Строгая и, надо сказать, действенная. Бывало, что предприятие, как нерадивый студент, тянуло за собой «хвосты», а после применения экономической санкции, даже при одной возможности ее применения, «вдруг» находило силы и средства исправить положение.

Кроме экономических санкций, органам Госнадзора дано право в необходимых случаях запрещать поставку и реализацию не соответствующей стандартам продукции.

И все же, как показывают проверки (их проводят 400 наших лабораторий и их отделений, расположенных по всей территории Советского Союза), еще нередки случаи нарушения стандартов. Поэтому к бракоделам не должно быть снисхождения, борьба с ними носит все более принципиальный характер. В нынешнем году мы планируем провести свыше двадцати тысяч проверок — гораздо больше, чем их было всего год или два тому назад.

Но дело не только в количественных показа-

телях. Меняется, совершенствуется и содержание нашей работы. Так, в последнее время мы стали контролировать качество изделий на стадии их проектирования и испытаний. Важно это потому, что не отвечающие сегодняшним требованиям показатели подчас закладываются проектировщиками, а шишки падают на изготовителей.

Перспективным направлением в нашей работе стали комплексные проверки, то есть проверки качества не только готовой продукции, но и продукции, поставляемой заводу-изготовителю их смежными предприятиями. В этом году, например, мы проконтролируем шестнадцать крупнейших межотраслевых комплексов, автомобильный и железнодорожный транспорт, продукцию химической, нефтехимической промышленности, товаров народного потребления и т. п.

На современном этапе производства в приложении к экономике слова «лучше» и «больше» стали своеобразными синонимами. Но одним лишь экономическим эффектом проблема качества не исчерпывается. От качества продукции зависит конкурентоспособность страны на мировом рынке, следовательно, оно затрагивает националь-

ный престиж. Поэтому с полным основанием мы говорим о том, что борьба за улучшение качества — это дело поистине общенародное, долговременная линия партии и правительства, определенная XXIV съездом КПСС. Мы знаем, что предстоящая десятая пятилетка намечена как пятилетка качества.

Молодым рабочим, инженерам, проектировщикам в борьбе за улучшение качества принадлежит решающая роль. Уже не раз бывало, когда именно молодежь с присущей ей энергией и энтузиазмом бралась за самые трудные дела и неизменно добивалась успехов. Мне доставляет удовольствие отметить как один из фактов активного участия молодежи в борьбе за повышение качества инициативу комсомольцев Ставропольской межобластной лаборатории государственного надзора. Они выступили застрельщиками движения за высокое качество труда и продукции под девизом: «Высокому качеству — комсомольская гарантия». Сейчас в это движение включились комсомольцы и молодежь многих предприятий и организаций системы Госстандарта СССР, различных отраслей народного хозяйства страны.

ДЕЯТЕЛЬНОГО РОМАНА

ного наступления на бракоделов. Потребовались только смелость и бескомпромиссная принципиальность работников госнадзора на местах.

Заслуга Ставропольской МОЛГН, однако, не в том, что она, облачившись в мантию третейского судьи, стала метать молнии, громогласно карая нерадивых. Ведь качество — это качество, а план — план. Репрессии МОЛГН отбрасывали то одно, то другое предприятие назад. Да и у самих сотрудников лаборатории стало посасывать под ложечкой: не перебарщиваем ли? Сомнения не были лишены серьезных оснований. Ну, наказали рублем, закрыли на время предприятия, но от этого причина брака не исчезла. Хорошо Кочубеевскому заводу — ему подбросили денюжку, а как остальные должны решать свои проблемы? И родилась идея: «молгновцы» обязаны не только карать, но и оказывать действительную помощь предприятиям края в достижении ими уровня качественного производства промышленных изделий и сельскохозяйственных продуктов. То есть решено было силами лаборатории внедряться в производство, чтобы выявлять причины брака и вырабатывать меры для их устранения. Результат был феноменальным.

Новая идея захлестнула «молгновцев». Она обсуждалась на производственных, партийных и комсомольских собраниях. Человек и его роль в советском обществе — эта тема фигурировала во всех разговорах в конкретном преломлении к задачам сотрудников лаборатории. «В сознании людей, — вспоминает тот период Иван Сергеевич Трембач, — утверждался новый смысл труда работников госнадзора — их роль в совершенствовании производства». «Молгновцы», призванные в основном следить за соблюдением установленных государством стандартов, добровольно расширили свое поле деятельности. Контролер из детектора дефектов превратился в технического советника. Обнаружив брак, он стал рекомендовать способы его устранения, с позиции рачительного хозяина требовать внедрения в производство новейшего современного оборудования. И вот тут произошла знаменательная перемена в отношениях Ставропольской МОЛГН и предприятий края. Особенно ярко она прослеживается в истории взаимоотношений лаборатории со Ставропольским заводом автоприцепов.

Начальник технического отдела МОЛГН Валерий Жабский представил: «Павел Александрович Юстов, заместитель главного конструктора, — мозг завода». Судьба свела этих двух энергичных людей, выполнявших поначалу диаметрально различные функции. Один — дотошный контролер, другой занят технологическим вооружением предприятия, занявшего ни много ни мало 13 гектаров пригорода. Завод, мощность которого должна достигать 80 тысяч автоприцепов в год, имеет всесоюзное значение. Еще не все каркасы его огромных цехов взметнулись в небо, а предприятие уже выдавало мощные автоприцепы народному хозяйству. И вдруг запрет на выпуск продукции. На техсовете МОЛГН, куда были приглашены руководители завода и прибыл представитель главка, возмущенный неслыханной дерзостью «скандальной» лаборатории, был сделан доклад с деталь-

ным анализом несоответствия производства автоприцепов научно-техническому прогрессу. Претензии были не только к самой продукции, а и к способу производства. Жабский нарисовал присутствующим картину довольно мрачную: завод в ожидании, пока «все образуются», пошел на выпуск продукции... полукустарным методом. Вместе с суровым приговором МОЛГН высказала свои конкретные предложения по внедрению современной технологии.

«Лаборатория неожиданно для нас оказалась нашим сподвижником, — откровенно признался Павел Александрович Юстов, демонстрируя перемены, происшедшие после позорного для завода приглашения «на ковер» в МОЛГН. — Вот видите, — показывал Юстов поточные линии производства, — сегодня мы почти полностью оснащены необходимым оборудованием. Например, этот цех укомплектован уже на 75 процентов — получено около 360 единиц инструментально-штамповочной оснастки. А ведь ювелирные приспособления делались топорным способом. В проекте завода не были заложены и современные технологические линии полуавтоматической сварки в сфере углекислого газа, окраски. Главк сразу же среагировал на замечания лаборатории, — подчеркнул заместитель главного конструктора. Под влиянием МОЛГН, рассказывал далее Юстов, заводское конструкторское бюро приступило к модернизации предназначенной для серийного производства модели. Поставив задачу унифицировать автоприцеп, бюро на 70 процентов уже изменило его первоначальный внешний и внутренний облик.

Сработала ли идея МОЛГН? Бесспорно.

По всему было видно, что Юстову импонировала новая функция Жабского. Иначе не стал бы он так откровенно выкладывать наболевшее. Пожалуй, напротив, казалось, что заместитель главного конструктора крупнейшего завода искал поддержку у начальника техотдела МОЛГН. Сотрудники его бюро, вдохновленные открывшейся возможностью полностью развернуть свои таланты и способности, в короткие сроки разработали массу технических новинок. Юстов подробно описывал усовершенствования и в технологию производства и в модели автоприцепа, разработанные самими заводскими конструкторами. Перечисляя новшества, Юстов каждый раз дружелюбно кивал в сторону Жабского и начинал словами: «По указанию лаборатории», «по настоянию лаборатории». Его нисколько не смущало, что инициатива, как ни парадоксально, исходила не от шефствующих Балашовского ГКБ и Одесского СКБ, а от МОЛГН. Говорил Юстов и о совместно намеченных лабораторией и заводским КБ планах дальнейших конструкторских разработок. И, когда речь зашла о всяких тормозях моментах, он изложил претензии предприятиям, задерживающим исполнение срочных заказов, в том числе Балашовскому ГКБ, который «тянет резину» с утверждением инициативных работ заводского КБ, а сам не может раскататься и пересмотреть уже устаревшие, хотя им и исполненные чертежи узлов и деталей автопри-

цепа. Юстов говорил это, явно обращаясь к Жабскому, всесильному союзнику, уверовав в пробивную способность МОЛГН. А тот сочувственно кивал головой и затем заверил: «Скоро и их возьмем под жесткий контроль».

На обратной дороге в лабораторию Жабский, еще не охладивший от разговора с Юстовым, жадно, словно ему стоило мучительного труда не проболтаться в кабинете, выпалил: «Павел Александрович еще не знает, что мы задумали, а то бы пустился в пляс от радости». И, выдержав паузу, заговорщически подмигнув, сообщил по секрету, что в генеральном плане МОЛГН на 1975 год намечена проверка технических проектов, созданных НИИ и КБ, для промышленности Ставрополья. «Особенно важно то, — Валерий делал ударение на каждом слове, — что мы просмотрим все их разработки новых видов продукции». Он пояснил: только в этом случае можно предупредить появление морально устаревшей продукции. Слушая Жабского, я задумалась, что же заставляло его с таким энтузиазмом браться за дело, выходящее за рамки компетенции контролера. Казалось бы, зачем ему лишние хлопоты? Ведь есть же соответствующие инстанции, планирующие производство, утверждающие техническую документацию на выпуск новой продукции. Я перебил Валерия и заинтересовалась его окладом. Он удивленно замолчал, сбившись с толку вопросом «из другой оперы», и, усмехнувшись, сказал: «Зарплата у нас в среднем 150 рублей. Не в том суть. От дела отказаться трудно — в него вкладываешь душу».

Комсомолки, молодые специалисты Рая Пыхтина и Галя Сардина не раз обсуждали назревший у всех «молгновцев» вопрос: как сблизить лабораторию с производством, как вовлечь работников предприятий в активную борьбу за выпуск качественной продукции, внедрение современной технологии и техники? И год назад на комсомольском собрании МОЛГН Раиса Пыхтина выступила с предложением, положившим начало новому молодежному почину. «Я предлагаю нашей комсомольской организации, — сказала она, — выступить с призывом ко всем комсомольцам края: включиться в борьбу за высокое качество продукции под девизом «Высокому качеству — комсомольская гарантия». И лаборатория выступила с обращением к молодой армии тружеников края.

ПОЧИН КОМСОМОЛЬЦЕВ МОЛГН ПОДДЕРЖАН. В СТАВРОПОЛЬЕ, ПОСЛЕ ШИРОКОГО ОБСУЖДЕНИЯ, БОЛЕЕ 30 ТЫСЯЧ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ АКТИВНО ВКЛЮЧИЛИСЬ В ДВИЖЕНИЕ ЗА ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО. СОЗДАНЫ 47 ГОРОДСКИХ И РАЙОННЫХ ШТАБОВ КАЧЕСТВА, ТЫСЯЧИ ШТАБОВ И ПОСТОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ. И УЖЕ ОЩУТИМЫ РЕЗУЛЬТАТЫ. 530 КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫХ БРИГАД Взяли обязательство изготавливать бездефектную продукцию и добиться права на комсомольское клеймо качества. Но главная — пробуждена творческая инициатива молодежи: молодежь активно включается в управление производством.

Страна отмечает юбилей своего признанного мастера. С его произведения мы росли, героев его знаем, без превеличия, с первого класса, знаем не только непосредственно по книгам писателя, но и по фильмам, театральным спектаклям, литературоведческим работам... В эти дни все почитатели таланта М. А. Шолохова — а их миллионы — вновь обращаются к «Тихому Дону» и «Поднятой целине», еще раз пытаются осмыслить их значение и в истории нашей Родины, и в истории мировой литературы, и в своей личной жизни.

Писатель всегда был в тесной дружбе с молодежью, с комсомолом. Многочисленные встречи, выступления, напутствия, товарищеские беседы; поездки делегаций на родину писателя; необъятная переписка с молодыми людьми, выбирающими свой жизненный путь, — и всегда заинтересованное внимание художника, стремление неназойливо на-

СМЕНА КОЛОВЕРТЬ

Н. А. ШОЛОХОВ. ПОВЕСТИ. КНИГА ПЕРВАЯ. ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ. ...

Вспомнил она сына и отца, сына и с матерью сгоревшим. ...

Почему выдуманы Черныш и сын? ...

Ты, Черныш, как и ты же не был, ...

Валентин ОСИПОВ

НАСТАВНИК — ЗНАЧИТ

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ОДНОЙ ДРУЖБЫ

«Шолохов — выходец из трудовой семьи, и его груди вспыхнула жажда битвы за счастье трудящихся, замученных. Вот почему он еще юношей-комсомольцем бился с кулаками в продотрядах. Вот почему в своих произведениях стал на сторону революционной бедноты. Партия и комсомол революционно направили его мысли, революционно зажгли его сердце жаждой принять участие в великой битве эксплуататоров и эксплуатируемых. И он принял это участие сначала с винтовкой, а потом с пером в руке». АЛЕКСАНДР СЕРАФИМОВИЧ.

«Серафимович принадлежал к тому поколению писателей, у которых мы, молодежь, учились. Лично я по-настоящему обязан Серафимовичу, ибо он первый поддержал меня в самом начале моей писательской деятельности, он первый сказал мне слово ободрения, слово признания». МИХАИЛ ШОЛОХОВ.

Как потускнело бы наше представление о литературе без дружбы этих двух сынов тихого Дона! Благородная своей искренностью, бескорыстная, но и требовательная, так много давшая своими конечными результатами, она завидно поучительна...

М. Шолохов, 18-летний боец-продотрядовец, привез в Москву первые серьезные литературные опыты. Работа в газете «Юношеская правда». В ней 19 сентября 1923 года появляется фельетон «Испытание». Самая первая в шолоховской жизни публикация, в которой легко прочтываются некоторые интонации будущего писателя, но это, пожалуй, все-таки пока не Шолохов. Да и подписан фельетон — М. Шолох. Не газета — дорога его жизни. Литературой переполнен он.

Вот почему, наверняка совсем не случайно, он попадает однажды на традиционную встречу-вечер московских пролетарских писателей. Эти вечера проводились обычно совместно с комсомольским литобъединением «Молодая гвардия». Как и всегда, за председательским местом — Александр Серафимович. У него в руках один из первых рассказов совсем ему неизвестного человека. Можно догадываться о том, какое впечатление произвели на него и этот рассказ и сам скромно подошедший к нему автор, как выяснилось, земляк... Он тут же знакомит с ним собравшихся, рекомендует в объединение...

В ноябре 1923 года Михаил Шолохов появился в «Молодой гвардии». Прошло совсем немного

времени, и из рассказов, напечатанных комсомольскими газетами и журналами, складывается сборник. Неизбежные переживания начинающего автора. Сборник, когда он был набран и сверстан, передан на суд одному из авторитетных наставников объединения. Шолохов приглашен домой к Серафимовичу. Был 1925 год...

А. Серафимович — 60-летний к моменту их знакомства, еще задолго до революции известный писатель... Сколько в его жизни знаменательного! Тесное знакомство с Александром и Марией Ульяновыми; благословение в литературу, полученное от Г. Успенского и В. Короленко; творческое содружество с М. Горьким; «пятерка с плюсом», которой удостаивает Лев Толстой один из его рассказов; в связи с гибелью сына на фронтах гражданской — трогательно-заботливое письмо В. И. Ленина с известным отзывом на его произведение, беседа с ним; «Железный поток»!..

Итак, встреча, знакомство, начало сближения... А что, казалось бы, общего? Один — в зените славы, другой — безвестный новичок...

Шолохов не мог не потянуться к Серафимовичу. Можно представить, что немало самых различных — больших и малых — обстоятельств способствовало этому. Вполне вероятны и такие личные моменты: Серафимович — земляк, многие его еще дореволюционные произведения — о неимоверно сложном пласте российской жизни, о казачестве. А в «Железном потоке» Серафимович сделал главным своим героем народ — это явно глубоко осмысленно будущим гениальным живописцем народных су-

ставить, помочь... А сколько литераторов — молодых и ставших уже широко известными — с благодарностью вспоминают дружеские — без менторского назидания, но и без всяких скидок на возраст и неопытность — советы и замечания Мастера.

Многие молодежные издания гордятся тем, что они входили в жизнь, завоевывали читателя при активном участии молодого тогда писателя. У «Смены» тоже есть такая гордость — опубликованный в 1925 году рассказ М. Шолохова «Коловерть»; трудно оценить ту внешне незаметную бескорыстную помощь, которую художник оказывал журналу в его становлении, обретении своего лица...

Сегодня редакция журнала, читатели его вместе со всем советским народом горячо поздравляют Михаила Александровича со славным юбилеем, верят в его вечную молодость, в неиссякаемость его таланта, энергии и здоровья.

ДРУГ

деб. Роман предложил немало нового и в чисто профессиональном смысле. И это было тоже поучительно формирующемуся новатору.

«Все данные за то, что Шолохов разворачивается в ценного писателя...» Это заключительные строчки обнародованного предисловия А. Серафимовича к вышедшим в 1926 году «Донским рассказам». Но как поразительно вдохновенно все оно, это немногословное напутствие; трудно удержаться, чтобы не привести его полностью:

«Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды.

Чувство меры в острых моментах, и оттого они пронизывают. Огромное знание того, о чем рассказывает. Тонкий схватывающий глаз. Умение выбрать из многих признаков наиболее характернейшие.

Все данные за то, что т. Шолохов разворачивается в ценного писателя, — только учиться, только работать над каждой вещью, не торопиться».

Совсем не случайно эти прозорливые слова были написаны Серафимовичем. Вспомним, что он, словно соревнуясь с М. Горьким, отдавал всего себя воспитанию молодых писательских сил, подчас решительно жертвуя собственными планами.

В кипении идейных и творческих страстей рождаются в ту пору рабочие, комсомольские объединения и кружки молодых писателей. И

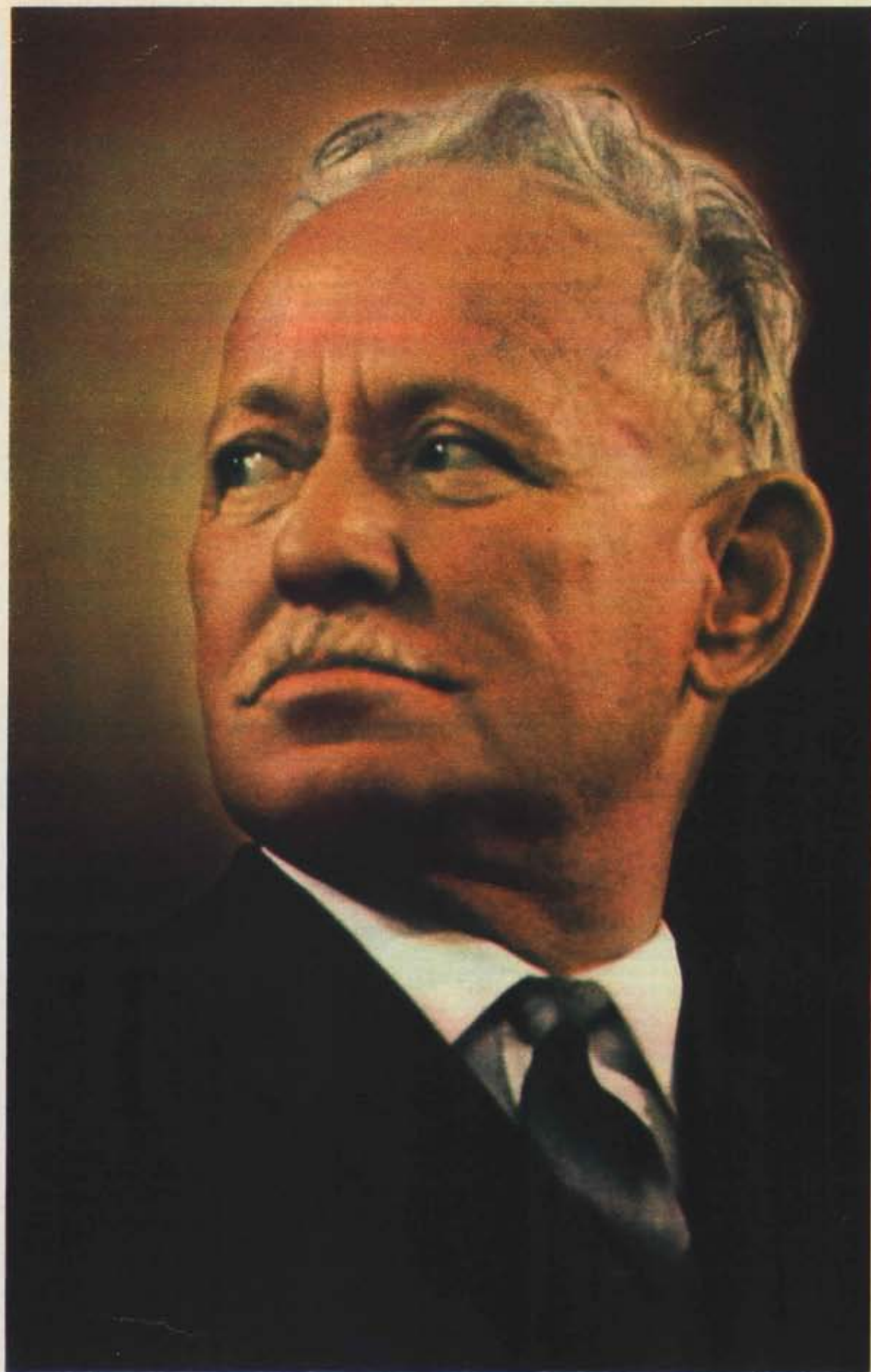

Фото Дмитрия Бальтерманца

Серафимович, будучи одним из руководителей Наркомпроса, а впоследствии председателем Московской ассоциации пролетарских писателей, находит время, чтобы стать — нет, не почетным гостем вроде бы в соответствии со своим «рангом» в литературе, но настоящим учителем, руководителем и знаменитых «Молодой гвардии», и «Вагранки», и объединения при газете «Рабочая Москва» (ныне «Московская правда»), и других. А приглашения или самозванные приходы начинающих в тесную, но гостеприимную, уютную хозяйским расположением, песнями, самоваром квартиру на Пресне, в том числе и тогда, когда он возглавлял один из первых «толстых» писательских журналов «Октябрь»... И часы, неисчислимые часы в читке и в тщательном разборе превеликого множества рукописей, в спорах и в поучительных для молодняка воспоминаниях, в учебе — ненавязчивой, по всеобщему признанию, но строгой.

Воспоминания доносят до нас немало число предельно уважительных о нем слов тех, кому он так или иначе, прямым участием или дружеским одобрением, помогал утвердить себя в литературе. Среди них Дм. Фурманов, А. Фадеев, Н. Островский, Ф. Гладков, В. Биль-Белоцерковский, Ф. Пафферов, В. Ставский...

Но особая его любовь — Михаилу Шолохову! 1926 год. Шолохов — Серафимовичу: «Посылаю Вам книгу моих рассказов «Лазоревая степь». Примите эту памятку земляка и одного из искренне любящих Ваше творчество.

Прошу Вас, если можно, напишите мне Ваше мнение о последних моих рассказах «Черная кровь», «Семейный человек» и «Лазоревая степь».

Ваше мнение для меня особенно дорого и поощрительно».

Рассказы Шолохова были замечены. Пришла известность. Но не закружилась голова. Цену

себе, конечно, знал, но и понимал, что с самого начала необходимо предъявлять к себе самые жесткие требования. И поэтому он и в другом письме буквально настаивает на критике, без обиняков просит Серафимовича о ней: «...Очень прошу Вас, черкните мне о недостатках и изъянах. А то ведь мне тут в станице не от кого услышать слово обличения... Не откажите...»

Судьба автора первой книги... Не без оснований бытует у писателей поговорка, что первая публикация — лишь заявочный столбик. Увы, далеко не всегда развертываются большими драгоценными россыпями вроде бы поначалу многообещающее месторождение, даже если оно уже и одарило поблескивающим самородком.

Фраза «только учиться...» не забыта Шолоховым. Он произносит ее спустя много лет на 75-летию старого друга, в свою очередь, явно адресуя этот мудрый совет новой писательской поросли.

С другой стороны, как не понять было умудренному профессиональным и житейским опытом «крестному» богатейшие потенциальные возможности молодого рассказчика. Его талант, предчувствовал он, могуче и стремительно перерастает рамки даже самых лучших и даровито запечатленных и осмысленных Шолоховым локальных сцен вздыбленного Дона. Как-то, уже позже, Серафимович признавался в том своем былом опасении, вспоминал самому себе заданный вопрос, сопровождаемый, однако, ответом, наполненным убежденной верой: «Ну, а дальше... Но молод и крепок Шолохов. Здоровое нутро. Острый, все подмечающий глаз. У меня крепкое впечатление — оплодотворенно развернет молодой писатель все заложенные в нем силы. Пролетарская литература приумножится».

Ждать пришлось недолго. 1927 год. «Однажды, когда мы пришли к нему (к Серафимовичу. — В. О.), на лице у него было выражение радостное, праздничное. Молодые искры сверкали в глазах. Он ходил по комнате и говорил возбужденно:

— Вот это сила! Вот это реализм! Представьте, молодой казачок из Вешенской создал такую эпопею народной жизни, достиг такой глубины в изображении характеров, показал такую глубочайшую трагедию, что, ей-богу, всех нас опередил! Пока это только первая часть, но размах уже виден». Это воспоминание одного из сотрудников Серафимовича по «Октябрю».

Но отнюдь не безмятежным было вхождение в жизнь этой эпопеи. Одних в редакции пугает объем — только в первой части 20 печатных листов. Других настораживает — и в этом отзвуки бушевавших в тогдашней литературе вкусовщины, далеко не безобидных идейных столкновений — могучая широта и острая партийная правдивость видения гражданской войны. К счастью, роман передан А. Серафимовичу. Смелое новаторство шолоховского детища в самой колыбели, видимо, было суждено принять и поистине смелому человеку. Его заключение предельно категорично: «...Печатать роман без всяких сокращений».

1928 год. С январской книжки «Октябрь» «Тихий Дон» входит в классику, в сокровищницу мировой культуры!

Одновременно сбывается и мечта старого писателя-коммуниста, с огромным нетерпением ждущего, предчувствовавшего и торопившего рождение в начинавшейся советской литературе такого таланта, который бы смог стать вровень с лучшими мастерами отечественной классики. Только с появлением «Тихого Дона» Серафимович позволил себе произнести, пусть пока с легкой предположительной интонацией, но притом вполне отчетливо: «В старое дореволюционное время были громадные столпы колоссальной творческой силы и они определяли собой литературу... Может быть, Шолохов и развернется в такую громадину...» Далее он уже уверенно акцентирует утвердительную интонацию своего предположения: «Я должен вам признаться, что это единственный писатель, которому по-настоящему судьба, можно сказать, целый ворох наклала творческих сил. Вот наш брат сидит, погрызет, погрызет перо, напишет, взвесит... А ведь у него как на черноземе прет. Он с трудом ходит, потому что он перенасыщен образами. Это огромный писатель».

Серафимович не устаёт — устно и в печати — повторять, что Шолохов — «это художник божьей милостью», что он «истинный, очень большой художник», «крупнейший художник-реалист», «самый сильный, самый талантливый из всех нынешних советских писателей», «огромное дарование». «Это он создал книги мирового значения».

При всем при этом Серафимович хорошо понимал, что рождение писателя произошло не са-

мо собой, не просто и не только в результате природного дара.

Новое время властно диктовало необходимость новых идейно-творческих категорий, формирующих талант и возвышающих его до особого в мировой литературе уровня. Раздумывая о том, что сможет поистине благотворно обогатить и приподнять шолоховское творчество с самого его начала, Серафимович писал: молодой писатель должен войти «в самую толщу пролетариата», «впитать в себя... его движение, его волю, его борьбу», должен суметь «...всосать в себя учение коммунизма, проникнуться им...». Иначе он себя ограбит как писатель, иначе «не даст полотен, которые мог бы дать».

Однако теперь, прочитав роман, он мог испытывать настоящее удовлетворение. Рукописью «Тихого Дона», врученной ему с немалыми опасениями и колебаниями, автор блестяще продемонстрировал как подлинную партийность, народность, революционность идейных побуждений, так и неповторимо высокий профессионализм, органично сочетающий новаторство и продолжение лучших традиций русской словесности.

Гордость и восторг переживает Серафимович. И как явно видно велико его нетерпение поведать миру о принятом к изданию романе!

Он приводит Шолохова в клуб «Трехгорки» и просит читать главы. Один из очевидцев вспоминает: «Серафимович во время чтения не сводил с Шолохова восхищенных глаз, он показался мне в этот вечер помолодевшим...»

Едва заканчивается журнальная публикация первой части романа, как в «Правде» в апреле 1928 года появляется статья Серафимовича «Тихий Дон», где он выписывает нынче хорошо известный образ молодого орелка, размахнувшегося громадные крылья... Он сдает и вступительную статью к книге для издания ее в «Роман-газете». Долго работает и в конечном счете создает, добавив к этому многое из ранее написанного, большой художественной силы очерк — литературный портрет Шолохова. Думаю, что Серафимович первым подарил тысячам и тысячам читателей блестящую возможность зримо увидеть и понять столь неожиданно и быстро взлетевшего в самый зенит орелка. Этот очерк познакомил страну с литературным трудом и жизнью Шолохова, с его большой общественной деятельностью, увлечениями и привычками человека и писателя, во взаимоотношениях со станинчиками-земляками. Мастерски полифоничен этот портрет с ценными фактами, с зоркими наблюдениями и воспоминаниями.

Борис ВОРОБЬЕВ,
токарь Кировского завода, Герой
Социалистического Труда, депутат
Верховного Совета РСФСР

Недавно вместе с ребятами, занимающимися в заводском клубе «Юных техников», которым я руковожу в свободные от работы часы, мы сконструировали модель трактора... 2000 года. До этого одна из наших работ демонстрировалась в США, Бразилии и некоторых других странах. И все это — творчество самих ребят, «внучат» путилевского слесаря Семена Давыдова. Ведь и сегодня деды многих из них, сподвижники Давыдова, работают на бывшем Путиловском, ныне орденоносном Кировском заводе, откуда шагнул в жизнь герой «Поднятой целины».

Часто во время занятий мы решаем сложные технические вопросы, где требуется не только смекалка, но и кропотливый труд, проявление характера, если хотите. И мне приятно видеть, что новое поколение рабочего класса растет целеустремленным, работоспособным, беззаветно преданным ленинским идеалам. Эти же качества в свое время помогли путилевскому слесарю Семену Давыдову выйти победителем из тяжелой схватки с врагами Советской власти. Так что налицо преемственность лучших революционных качеств, которыми так богаты шолоховские герои.

Много лет коллегия нашего завода поддерживает постоянную дружбу с автором «Поднятой целины». Не раз кировцы бывали в станице у писателя. Приезжал и он к нам.

Мне посчастливилось быть дома у Шолохова, слушать его рассказы. Михаил Александрович очень любит молодежь, всегда искренне интересуется ее делами.

Серафимович спешит познакомить своего молодого друга с известными писателями тех лет, в том числе и с зарубежными — Мате Залкой и И. Бехером, Белой Иллешем, Вайскопфом, Анталом Гидашем, с профессором литературоведения и переводчиком с русского Цао Цзин-Хуа... В скобках добавим, что один из них, Бела Иллеш, напечатал в 1929 году самую первую в Венгрии статью о «Тихом Доне» с многозначительным заголовком «Новый Толстой в русской литературе».

Юным писателям-литобъединенцам Серафимович внушает необходимость учиться у Шолохова, бросает им, полагая, не без умысла и дальнего прицела и такую фразу: «И правильно он не приезжает в Москву. Сидел человек на Дону, в станице, и работал». И позже он снова подчеркивает эту творческую особенность: «Шолохов правильно живет, он, несмотря на свою славу, не уходит и не может уйти от тех людей, которых полюбил с детства и о которых написал такие великолепные страницы».

Вся эта цепь заботливых поступков и чуткой поддержки, раздумчивых оценок не случайна. Во всем этом Серафимовичем движет и забота о Шолохове (не забудем о тогдашнем возрасте Шолохова) и заинтересованность в скорейшем развитии нарождающейся советской литературы. Видимо, примерно в то время, когда он знакомится с рукописью «Тихого Дона», осенью 1927 года в «Правде» в очерке «Откуда повелись советские писатели» Серафимович пишет: «И разве пролетарский молодец не начинает наполнять журналы в центрах? Разве читатели не повернули головы к «Разгрому» Фадеева? Разве широко размахнувшийся красочный и углубленный Шолохов не глянул из-за края, как молодой месяц из-за гюргана, и засветилась степь? И разве за ними шеренгой не идут другие? И

Анатолий ФАНЫГИН,
бригадир тракторно-полеводческой
бригады совхоза «Комсомолец»
Тамбовской области,
Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета
СССР

Сколько бы книг я ни читал, самое сильное впечатление остается от «Поднятой целины».

Герои Михаила Шолохова — подлинные патриоты земли русской. Только таким людям были по плечу те грандиозные революционные свершения, на которые поднял Россию В. И. Ленин.

Когда-то Алексей Толстой назвал «Тихий Дон» произведением «...общерусским, национальным, народным». Думаю, что эти же слова можно сказать и о «Поднятой целине» — книге, написанной во имя справедливости и человеческого счастья.

ведь это все комсомол, либо только что вышедшие из комсомола. Послушайте — ведь этого же нет ни в одной стране!»

Он любовно говорил о Шолохове: «... наш казачок... куда скакнул... укажите еще одного такого — нету!»

«Тихий Дон» уже стал достойным читателем, а Серафимович все переживает удовлетворенное изумление свершившимся. Вот одно из свидетельств той поры: «Он появился в редакционной комнате... Глаза его сияли молодой, восторженной задумчивостью, которая, конечно, не сейчас возникнув, еще не оставила его».

— А я, знаете, зачитался... Михаилом Шолоховым зачитался. Как здорово это получилось, что мы его напечатали, открыли его «Тихим Доном»!.. Ох, даже подумать страшно, что такое эпохальное произведение могло бы залезать где-то в тени, когда народ ждет именно такой эпопеи!.. Талантище-то... а? ...Донские станицы, казачьи курени и базы, деревенские улицы... а сквозь все это видишь всю Россию!.. И люди, все эти старики, старухи, парни, молодцы... кажется, вот с самого детства их навиделся и вроде все в них тебе знакомо... а вот, поди ж ты, какое волшебство: сколько же нового, изумительного... исторического открылось тебе в этих людях!.. И опять же сквозь этих людей как бы видишь бытие всего народа...»

Даже эти отрывочные реплики об эпохальной

Красота родной земли

ЗАКОН ВЫСОТЫ

СНЕГА РАСТУПАЮТСЯ, ПУТЬ К ВЕРШИНЕ БУДЕТ СВОБОДЕН.

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

Фото
Вадима ГИППЕНРЕЙТЕРА

Закон свой несет высота,
Свое здесь понятие блага.
Здесь силе под стать красота,
И нежности стоит отвага.
Здесь что ни поток — то певец,
Здесь что ни утес — изваянье.
Как будто бы чей-то резец
Наметил его очертанья.

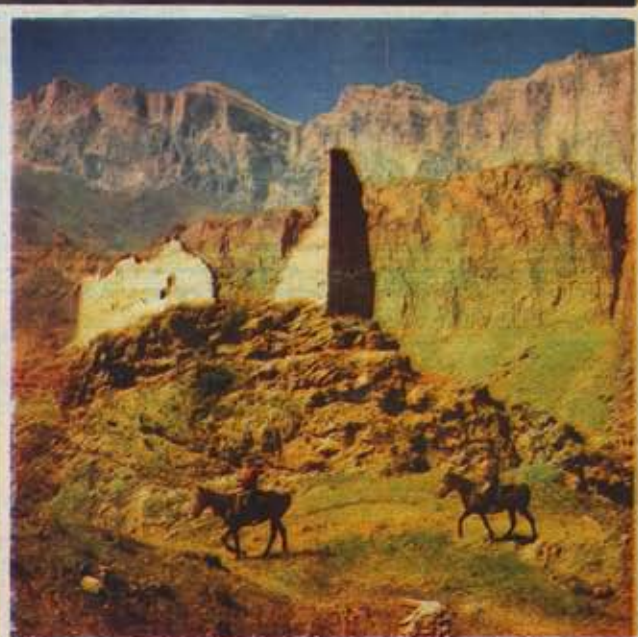
Здесь песен особый мотив,
И речи людской, и молчанья,
Уж камень на что молчалив,
И он вам расскажет сказанье.
Здесь тянется все в облака —
И камни и плоские крыши.
Любая гора высока,
Но люди мне кажутся выше.

Жители моего края, чтобы не покинуть этих камней, готовы были сами обратиться в камень. Сюда слетались орлы за добычей и опять парили в вышине. Прилетали и улетали журавли. Только люди оставались. Влюбленные в камни, в снеговые вершины гор, они боролись с природной стихией: с лавиной, камнепадом. Из

УЩЕЛЬЕ, ГДЕ НЕ БЫВАЕТ ТИШНЫ...

ПРИМЕТЫ СТАРШЕЙ ГЛУБОКОЙ.

ЗДЕСЬ ДОБЫВАЮТ ВОЛЬФРАМ И МОЛИБДЕН.

НАСТАВНИК — ЗНАЧИТ ДРУГ

1935 год. Они, как и в былые годы, обмениваются письмами. Только болезнь престарелого Серафимовича не позволяет ему приехать в Венскую, а как хотелось этого.

1937 год. Опубликован очерк А. Серафимовича «Михаил Шолохов» в «Литературной газете». Его творчество высоко оценивается и в статье «Писатель должен шагнуть вровень с эпохой».

1938 год. 75-летие автора «Железного потока», ветерана русской и советской литературы. Шолохов произносит взволнованное слово на юбилейном вечере в Ростове-на-Дону, пересылает в «Известия» статью «Писатель-большевик», выписанную проникновенно, по-сыновьи с самых первых ее строчек:

«С ним всегда чувствуешь себя так, словно никакой разницы возрастов нет.

Я очень люблю старика. Это настоящий художник, большой человек, произведения которого нам так близки и знакомы...»

Интерес Серафимовича, как мне видится, к жизни казачества в период коллективизации вовсе не случайность, лишь как бы попутно вызванная очередной поездкой на родину (в 1931 году), как не случайна и визит к Шолохову. Итоговый, эпизодический смысл, безусловно, в том, что и поездка и общение с Шолоховым помогают Серафимовичу, как вспоминает сопровождав-

ший его сын, «с еще большей яркостью увидеть и осознать новые впечатления от степей советского Дона», что накопленное, увиденное чуть позже выливается в очерк «По донским степям».

Павел ГОРДИЕНКО,
руководитель отдела изучения
ледового плавания Арктического и
Антарктического научно-исследо-
вательского института, доктор
географических наук

В подготовке пятидесяти арктических и антарктических экспедиций довелось мне принимать участие. Не раз бывал я на Северном полюсе и в Антарктиде. И должен сказать — об этом знают не многие читатели, — что комплектование «антарктических десантов» с дрейфующих станций начинается с...библиотек. А к числу наиболее любимых полярниками авторов относится Михаил Шолохов.

Однажды, запурговав на неделю на Земле Франца-Иосифа (есть у нас такое словечко, которое рождается на свет божий, когда по несколько дней не вылезешь из палатки, оставаясь отрезанным от всего живого), я снова зачитался Шолоховым. И вновь убедился, что его книги надлежит перечитывать не единожды.

Я не говорю о богатейшей палитре шолоховского языка, о почти осязаемой близости природы Дона, которая является со страниц книг в мир белого безмолвия и согревает душу полярника. Глубинность шолоховской мысли, подобно подводной части айсберга, не сразу угадывается читателем. Но если скрытую часть ледяного исполина все же можно рассчитать, то глубину мысли шолоховских произведений до конца изведать гораздо сложнее...

Еще более примечательно то, что он задумывает роман (носивший в черновиках рабочее название «Борьба партии в деревне»), тема которого, по конспективному выражению автора, «как новая коллективная обстановка переделывает казака в сознательного колхозника». Впоследствии главы из этого романа публикуются под названием «Колхозные поля».

Но ведь именно в это время Шолохов пишет «Поднятую целину».

Побудительное, судя по всему, влияние Шолохова, совпадение темы и времени их писательского труда, обоюдное стремление запечатлеть этот особый период истории страны знаменательны!

Война. Ее первые месяцы... Серафимович, сам едва эвакуировавшийся из родного города, с волнением следит за Шолоховым. С горечью узнает он и с такой щемящей болью пишет в очерке «Битва за Дон» о гибели от вражеской бомбы матери Михаила Александровича, посвящает ее памяти скорбные и теплые слова.

Шли годы... Выходили книги, посвященные признанному мастеру мировой литературы М. А. Шолохову. Во многих из них — дань уважения Серафимовичу. Имя Серафимовича звучит из уст Шолохова на XX съезде партии. В дни 100-летия А. Серафимовича «Правда» помещает шолоховскую статью, в которой мы читаем: «Вся жизнь Александра Серафимовича, точно так же как и его творчество, была глубоко революционной. Он честно служил прогрессу, революции, Коммунистической партии до конца своих дней».

В этих словах не только четко выраженная оценка творчества Серафимовича. В них и программно исповедуемое отношение к жизни и к литературе самого Михаила Шолохова, формированию которого в немалой степени способствовала дружба с этим замечательным мастером нашей литературы.

Не могу удержаться, чтобы не поразмышлять над двумя высказываниями.

камня выжимали хлеб и молоко. Молились снеговым вершинам. Но для них вершины оставались недоступны, там для них было белое таинственное царство, где витали демоны и духи из древних сказок и преданий, где царствовал царь тысячи гор, двуглавый великан Эльбрус, самая высокая вершина Европы. Она привлекала к себе внимание людей с древнейших времен. Как только не воспевали ее поэты!

Баксанское ущелье — одно из красивейших ущелий Кабардино-Балкарии. Наполняется щемящей нежностью душа от этой красоты — каменной, гористой, такой теплой родной земли, от гор — золотых рук моей кормилицы-земли, которые поднялись к небесам.

Мы, жители этого края, часто встречаем здесь своих друзей, гостей из разных концов нашей страны и из-за рубежа. Сегодня я сопровождаю гостя по краю чудес, по Кабардино-Балкарии.

...Горская легенда гласит: юноше предстояло в одно и то же время выполнить три неотложных дела: успеть спасти отца от недруга, догнать и вернуть свою похищенную невесту и встретить гостя. И когда он за советом обратился к старухе матери, что делать раньше, мать ответила — встречай гостя. Эта традиция продолжается, думаю, никогда не исчезнет. Какими бы делами мы ни были заняты, гостям всегда рады.

...Мы спустились по канатной дорожке с Чегета, побывав в белом таинственном царстве, где, казалось, совсем рядом сверкает вечно ледяные вершины Минги-Тау [Эльбруса]. Сегодня день был особенно щедрым на солнце и скуп на тучи.

— Интересно, где еще можно в

одно и то же время кататься на лыжах, собирать цветы, загорать, пить целебную воду и наслаждаться такой необыкновенной красотой! — говорил наш гость Дмитрий.

Мы с восторженным гостем подошли к источнику, где нас ждал заядлый лихач и остролов Баттал.

Людей здесь было немало: кто пил из источника целебную нарзановую воду, кто просто загорал на зеленом травяном ковре, а некоторые сидели за столиками. Мы тоже сели за столик, а напротив нас расположились четверо мужчин и так громко разговаривали, что мы не могли не обратить на них внимание. Так разговаривают только в горах. Они вставали, садились, и все вразбойно произносили одно имя: Лермонтов.

Дмитрий смотрел на них с удивлением.

— Эй, земляки, — сказал Баттал. — Вы не боитесь уснуть диких коз в горах этой тишиной! Говорите громче!

Тот, который сидел лицом к нам, крикнул:

— Мы пьем за Лермонтова!

И все четверо встали и повернулись к нам. Другой подхватил и повторил:

— За Лермонтова! За певца, который прославил Кавказ на весь мир! Кто мог так видеть и понимать эти горы, как он, кто так понимал этих людей!

Этот разговор в моей душе пробуждал какие-то необъяснимые чувства и переносил мысли в далекие времена. Я уже зримо видела демона, пролетающего над этими горами, и бегущего Гаруна, «быстрее лани», и бой с барсом, и Измаил-бея на кабардинском скакуне...

...Я сама сколько раз праздновала

рождение Лермонтова, сколько оплакивала смерть его как самого близкого и родного для меня человека. Я представляла, как Кавказ рыдал горючими ливнями над павшим поэтом, омывая его окровавленное тело чистыми, небесными слезами, как реки бились в глухом, надгробном плаче локтями в берега, как молния в гневе ударяла о скалы, как от удара дрожали скалы, рыдали огненными искрами. Страшное эхо пронеслось по всему миру. Рыдал Кавказ.

И снова рождался для меня Лермонтов, снова благодарила я судьбу, которая свела меня с ним, и пулю горскую, которая щадила и обходила его, и Россию, давшую миру великого сына! Думала не раз: почему бы миру не поблагодарить и Кавказ за великого поэта, которого вдохновил он на бессмертные произведения!

Лермонтов, как никто другой, умел славить достоинства даже врага и осуждать его трусость. По воле судьбы, идя с мечом на Кавказ, восхищался мужеством, благородством, верностью себе и своей земле горцев, воспевал их свободолобивый дух, никогда не задевал их чести, которую ставили выше всего жители этих краев. Может, потому, каких бы гениальных поэтов горцы ни читали, какими строками ни восхищались, любовь к Лермонтову только усиливается.

...Эти мои мысли и речь своего друга прервал парень, сидящий в полосатой рубашке:

— А как он любил горцев! Он знал наш язык балкарский. А Бэла была, наверное, балкарка, она пела на балкарском языке. И свадьба, которую описывал Лермонтов, наверно, была в ауле Урусбиева, где бывали первые восходители на Эльбрус, знаменитые

путешественники, композиторы, художники, геологи, ученые России и Запада. Лермонтов не мог не быть в Урусбиеве, он там был и описал балкарку Бэлу.

— Суцая нелепость! — сказал четвертый, который до сих пор сидел молча, не вмешиваясь в разговор. — Весь мир твердит, что Бэла — кабардинка. Лермонтов сам писал, что она черкешенка — а это одно и то же, — а вы тут...

Опять вмешался парень в полосатой рубашке:

— В те времена всех нас, горцев, черкесами называли.

Девушка, сидящая за другим столиком, часто смотрела на них и улыбалась, продолжая оживленную беседу с молодым человеком. На этот раз повернулась она к ним.

— Ай, ай. Историю не знаете, книг и газет не читаете, — сказала она. — Бэла была кумычкой, это ведь уже доказано. Может, Казбич и был черкешенцем, может, кабардинцем, балкарцем, кем угодно, но не Бэла. Скажите, пожалуйста, у каких народностей Северного Кавказа во время свадьбы танцующие пары — девушка и парень — говорили друг другу стихов нарспев! Ни у каких. Такой обычай был только у кумыков. Лермонтов был очевидцем этого своеобразного поэтического состязания в кумыкском ауле Аксай недалеко от русской крепости Каменный брод.

Она так увлеченно говорила, робела, краснела, в то же время чувствовала твердая уверенность в ее словах, что все мы не могли от нее оторвать глаз. Она действительно сама внешне чем-то напоминала Бэлу.

— Ну, нашли о чем спорить, —

Нателла РАТИАНИ,
директор Грузинской республиканской юношеской библиотеки,
почетный библиотекарь
республики

Как-то во время обсуждения «Судьбы человека» одна из юных читательниц наших, выступая, призналась: «Шолохов не только мой любимый писатель, но и большой друг. Он друг каждого из нас, потому что... пишет хорошие книги».

В нашей библиотеке свыше ста тысяч томов. Более семи тысяч читателей в возрасте от 14 до 20 лет. Многие из них, составляя планы обязательного чтения, рядом с Пушкиным и Руставели, Львом Толстым и Горьким ставят книги Михаила Шолохова. Сейчас, когда наш народ отмечает 30-летие Победы над гитлеровской Германией, особым спросом у читателей пользуются «Судьба человека», «Они сражались за Родину», воспитывающие в нашей молодежи мужество и стойкость, беззаветную любовь и преданность Родине.

своих птенцов, когда они начинают летать. Подняв их на крыло, он не дает им опуститься, а заставляет набирать высоту и гоняет их там до полного изнеможения, заставляя подниматься все выше и выше. Только при таком способе воспитания повзрослевший беркут научится парить в поднебесье... Своих молодых писателей мы должны учить таким же способом, должны заставлять их подниматься все выше и выше, чтобы впоследствии они были в литературе настоящими беркутами, а не мокрыми воронами, не домашними курами. Но беркут не ломает крылья своим птенцам, не умеющим или боящимся на первых порах подняться на должную высоту».

Михаил АНДРИЕВСКИЙ,
директор Гадячской школы-интерната Полтавской области,
депутат Верховного Совета СССР,
Герой Социалистического Труда

Говорить о Шолохове — это прежде всего говорить о целой эпохе советской действительности.

Первыми же своими произведениями — «Донскими рассказами», а затем эпическим романом «Тихий Дон» — он вошел в литературу как зрелый мастер слова, сложившийся самобытный писатель.

Много раз перечитывал я со своими учениками и «Тихий Дон» и «Поднятую целину». Наизусть знаю некоторые страницы романа «Они сражались за Родину». И каждый раз убеждаюсь — они помогают нам глубже осознать неповторимую историю нашего государства, ведущего большую битву за утверждение самого справедливого общества на земле.

Схожи метафорические образы. Хотя, кстати говоря, слова М. Шолохова не обязательно порождены памятью о том, что было адресовано ему когда-то давно Серафимовичем. Думаю, что высказывания М. Шолохова и А. Серафимовича схожи именно потому, что оба всегда заинтересованно относились к литературной смене.

Наставник в литературе! Это, надо понимать, не педагог-педагог, не редактор-правщик, тем более не величавый мэтр, свысока снисходящий до покровительственного жеста одобрения...

Прекрасна в этом отношении традиция советской литературы. Горький, Серафимович, затем Леонов, Федин, Шолохов... Авторитетные соратники молодых, всемерно заботящиеся о пополнении рядов своих литературных единомышленников.

Сколько юных собратьев по перу обязаны М. А. Шолохову — его доброму, но и взыскательному напутствию, его по-отцовски теплому, внимательному отношению, строгим предостережениям от дешевых соблазнов...

Вспоминаются только последние годы. М. А. Шолохов не раз принимает молодых у себя в Вешенской или в Москве, встречается с группой участников V Всесоюзного совещания молодых. Болен, но находит возможность послать телеграмму и последнему такому сбору. Он почетный президент советско-болгарского клуба творческой молодежи. А полистайте его публицистические книги. Сколько в них размышлений о проблемах становления молодой литературы!

Бесконечно щедр всемирно известный классик на плодотворно богатую заботу о молодых. Охотно делится он своим опытом писателя-коммуниста, человека и патриота, настоящего бойца за идеалы партии, своего народа и советской литературы. Он надежно подхватил эстафету доброй традиции — наставничества, в которой, хочется думать, и добрая память о начале своего полета...

Интервью подготовил Виталий ЗАСЕЕВ.

«Молодой орел... а крылья размахнул». Это А. С. Серафимович написал в 1928 году, когда, по его мнению, в самом начале взлета Шолохову нужна была чуткая рука друга, чтобы подбодрить, поощрить, поддержать.

26 лет спустя М. А. Шолохов (не забудем при этом, что у писателя среди важных партийных, государственных и общественных дел есть и обязанность секретаря Союза писателей, ответственного за работу с молодыми литераторами):

«Мне рассказывали, как беркут воспитывает

Бэла, Бэла. Вот Казбик — другое дело. Он молодец! — сказал Баттал.

— Как! Он убийца! — в один голос ответили Батталу несколько человек.

— Он освободил Бэлу от позора, от мук. Все равно бы Печорин бросил ее. Лучше быть убитым недругом, чем покинутым любимым, да еще на чужбине. По крайней мере Бэла умерла с верой в то, что она не покинута, а убита врагом.

Попробовала бы вернуться она в свой аул покинутой иноверцем, от судов и пересудов сама бы бросилась в волны буйной реки. Та Бэла, не эта, которая сейчас заткнула вам всем рты. Нынче Бэлы другие. Небось, она диссертацию пишет на эту тему.

— Кто же она, интересно, по национальности! — спросил наш гость.

— А кто ее знает! Наверное, из Дагестана. В субботу и воскресные дни со всех концов приезжают сюда на отдых, — ответил Баттал. — Вообще сейчас очень трудно определить национальность человека. Вчера в Нальчике я встретил женщину, у которой мать русская, отец балкарец, а дети кабардинцы. Вот и пойми, кто она.

— Она! Она депутат Верховного Совета СССР Холамханова, — подхватил разговор тот же парень в полосатой рубашке.

Крайне удивляло нашего гостя то, как просто, непринужденно вмешивались в разговор друг друга незнакомые до этого люди, их серьезные споры, шутки и одновременно такое уважительное отношение друг к другу, к старшим, к женщине, к гостям.

К нам без конца подходили, здоровались, знакомились с гостями, звали нас к своим столикам, и в конце концов наш стол сделался длинным, многолюдным, веселым.

Никто ни с кем не договаривался

встретиться здесь, кто приехал сюда с гостями, а кто просто отдохнуть, еще раз полюбоваться этой красотой и заново увидеть все по-своему.

— Какие здесь удивительные люди! Не знаешь, чем больше восхищаться: этой необыкновенной красотой природы или этими людьми. А девушки какие красивые! — сказал Дмитрий.

— Ты лучше восхищаясь вершинами гор, насчет девушки оставь. Не то попадешь в плен их газельных глаз. Теперь ты не найдешь Азамата, сестру продавшего за коня. Этих-то братьев и самолетом не соблазнишь, — пошутил Баттал. — Знаете, братья, куда ни гляди, кругом ученые. У нас председатели колхозов кандидаты наук, есть даже доктор. Попробуй теперь быть даже простым рабочим без знаний — учись и учись. Говорят, лет пятьдесят тому назад в этих ущельях кто умел писать письмо и произносить несколько слов по-русски, считался самым почетным человеком, а теперь не умеющего читать и писать не найдешь, если только не в роддоме. Мало что знают русский язык, как родной, да еще им подавай английский, французский, немецкий и другие языки. А вот сидят студенты, ученые, художники, поэты. Один я работаю среди вас. Каково мне сидеть здесь, слушать умные речи, вмешиваться в их рассуждения! Дома то же самое. Приезжают братья-аспиранты: один из Ленинграда, другой из Воронежа. Третий уже кандидат исторических наук, работает в Москве. Четвертый, инженер, работает в обкоме комсомола, пятый занимается экономикой колхоза. Вот и успевай их встречать и провожать.

Как говорили наши предки: если

нет вола, то запряги зятя. Единственный зять — муж сестры — и то доктор наук, попробуй запряги его. Когда-то сестру без сопровождения братьев не пускали даже к соседке, а теперь, видишь, что делается, откуда только не приезжает моя сестра: то из Москвы и Ленинграда, то с Курьинских островов, из Калининграда, то из Улан-Батора, Праги и Парижа. Да еще, говорят, книги пишет, правда, я их не читаю, я читаю Лермонтова и Толстого. Видишь, только мы — я и старший брат Мухамед — рабочий народ. Тем не менее я чувствую себя цельным человеком, каким-то айсбергом, который всего себя не показал, а порою сравниваю себя с этой землей, которая так надежно держит на своих плечах эти горы, их богатство, их красоту, этих людей. В общем-то, не думай, что пустомеля, — улыбаясь, сказал Баттал.

— А мы с Хисой, по-твоему, пустоту мелем, а не руду! — сказал один из парней.

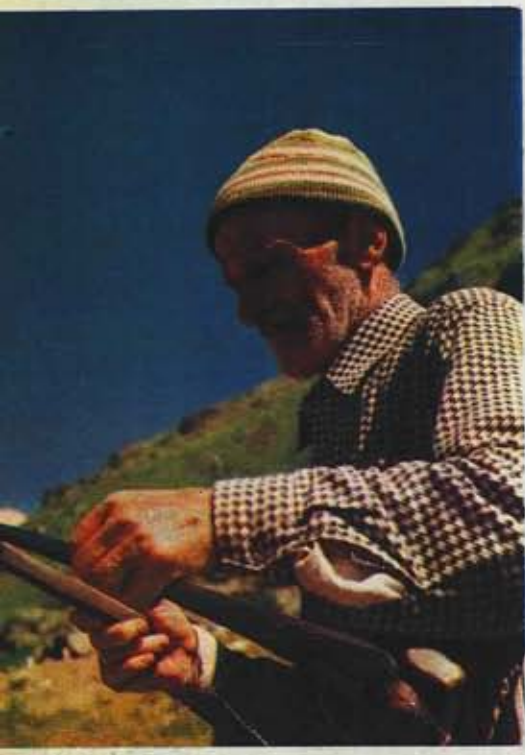
— О, я вижу, вы горняки. Простите, ваши споры ввели меня в заблуждение. Я-то думал, что вы литературоведы или историки.

Хотя Баттал говорил это в шуточной форме, с юмором, но все было правдой. Поэтому мне уже было неудобно знакомить гостя с вновь приходящими к нам людьми, так как надо было представлять: это доктор исторических наук, профессор Анатолий Текуев; это его жена журналистка Раиса Афаунова, а эта девушка кандидат медицинских наук Светлана Акаева. Я уже боялась, как бы не подъехали с гостями профессора — доктор сельскохозяйственных наук Канбудат Кереев, его дочь доктор биологических наук Майя Кереева, член-корреспондент Акаде-

мии наук СССР физик Тимур Энеев, дирижер Ленинградской филармонии Юрий Темирханов, прославленные народные поэты Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев и Алим Кешоков. Или же братья Хусейн и Михаил Залихановы, перечисление титулов которых занимало бы немало времени, и многие другие, которые могли приехать сюда в этот воскресный день. Это было бы пиццей для новых острот Баттала.

Трудно поверить, что предки этих людей даже не знали, что где-то рядом ходили Пушкин, Лермонтов, Толстой и писали о них. Они были лишены самого большого богатства человека — знаний, к чему так жадно стремятся сейчас их счастливые потомки и с завидным успехом овладевают ими.

Свои сокровища и мудрости вековые, что скрывала земля Кабардино-Балкарии многие столетия, она с удивительной щедростью раскрыла за годы Советской власти. Буйные реки, которые в порыве устрашающего гнева срывали мосты, дробили камни, сметали все на своем пути, теперь, подчиняясь воле монах земляков, покорно текут, вращая турбины Баксангэса, Акбашгэса, освещая дома горцев, текут по каналам оросительных систем, помогая вырастить богатырскую культуру — кукурузу — славу сельского хозяйства республики и многие другие культуры. Горы Приэльбрусья, прежде удивлявшие только нерукотворной красотой и недоступностью, казавшиеся бесплодными и молчаливыми, открыли свои вековые рудные клады: молибден, вольфрам. Эти горы открыли не только рудные клады, но и кладу красоты и здоровья, туризма и альпинизма, превратились во всеобщую ба-

зу отдыха и высокогорного спорта. Многоэтажные дворцы-гостиницы по-горски щедро принимают туристов со всех концов света.

Нальчик — столица республики, промышленный и культурный центр Кабардино-Балкарии, город-курорт, город-сад, один из красивейших городов Северного Кавказа.

В республике, где до революции, по словам путешественников, «даже сальные свечи покупались на вес серебра», производятся точные приборы и умные автоматы, сложнейшие станки, алмазные инструменты и электрооборудование, цветные металлы, обувь, швейные и кондитерские изделия, которые поставляются во все республики, во многие зарубежные страны.

В течение жизни лишь одного поколения людей Кабардино-Балкария совершила гигантский скачок: от сплошной неграмотности населения к государственному университету, от бесписьменности к научно-исследовательскому институту.

Имея все это, наша земля сохранила первозданной чистоты величие природы. Все так же горделиво стоит гора счастья великан Шат-гора, как во времена Прометея, как во времена Пушкина и Лермонтова. Здесь по-

прежнему парят орлы, в ослепительном блеске текут потоки чистейших вод над головами диких рыжих скал. Там, в высоте задумчивого неба, утопают острые, как лезвия, гребни гор в тумане молочных облаков. А внизу — дома, будто прилипшие к скалам, бегут по силону врассыпную. Сосны, напротив, лезут вверх стройными зелеными рядами по безумной, страшной крутизне. Они, наверное, хотят достигнуть вершины и пить айран густейших облаков. Все та же река, река Баксан, течет себе, лаская камни бережные, стараясь быть спокойной и степенной. Но пусть попробует где-нибудь на узкой горловине перечить ей что-нибудь, она покажет, как — когда-то, буйный нрав [норов], свое бешенство. Такой характер горных рек. Порой неожиданные лавины гор срывают с корнями вековые деревья, и они падают со скрипучим стоном с крутизны наземь, и опять все стихает, приобретая степенность и красоту.

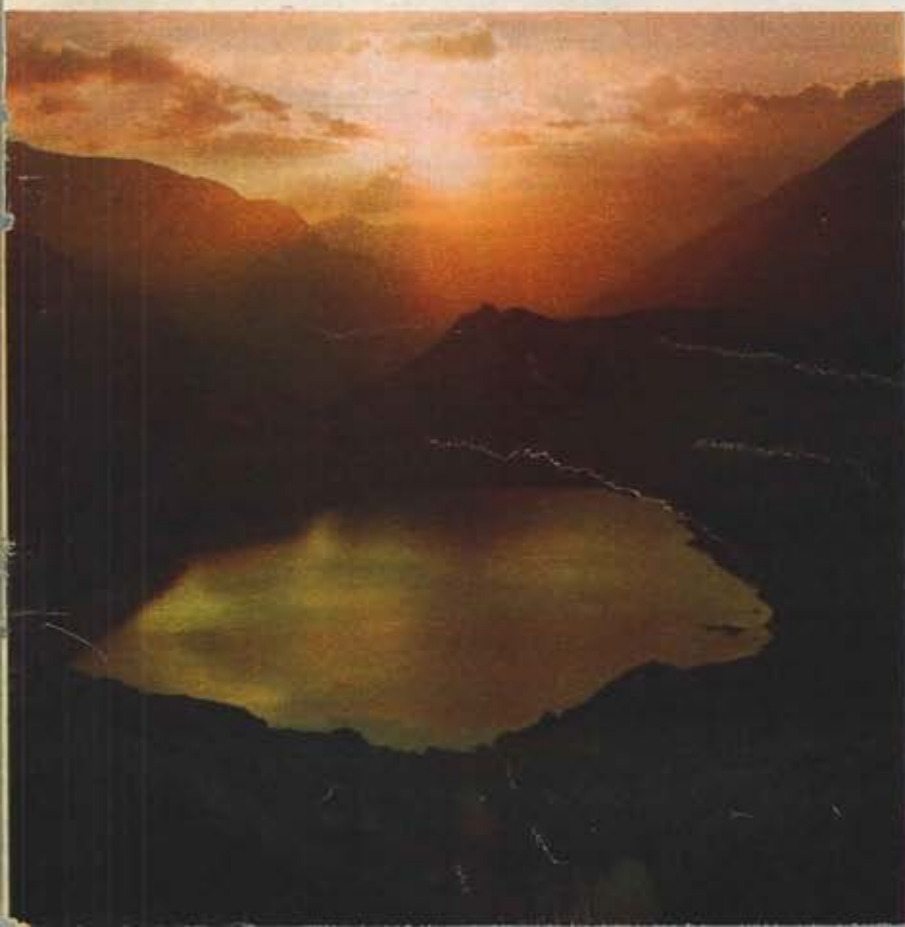
Черекское ущелье — ущелье необыкновенных голубых озер, где на зеркальном дне отражаются все прелести, созданные гениальной художницей-природой. А узкую черекскую теснину невозможно описать. На невиданной головокружительной

глубине несет свои белопенные волны река Черек. Это — ущелье легендарных героев, мужественных и остроумных людей, пламенных революционеров, имена которых вошли навсегда в историю республики.

Чей взор не восхищала красота Чегемского ущелья, воспетая прославленным чегемцем Кайсыном Кулиевым!

Среди диких громадных гор и над бурной рекой удивительна нежность чегемских водопадов, которые так плавно струятся, как танцуют горянки плавный танец в белых вуалях с голубишной, впереди в диком темпе пляшущих джигитов. Кругом гранитные громады гор, мудрые, бессмертные. Они стоят, притаив в себе глухие голоса столетий. Если разжать их уста, они удивили бы мир на каменном наречии скал. Но они молчат, молчаливым и величием восхищая нас. Порою среди них себя чувствуешь травинкой, букашкой. Но, придя в себя, понимаешь, что эти бессмертные громады испытывают к тебе зависть, и говоришь:

— Гора, ты рвешься к небесам, захочешь — и грозу стреножишь! Но прикоснуться к волосам ребенка так, как я, не можешь. Я злое слово при-

держу, а ты — удержишь ли лавину! Гляди!.. Я камень отодвину и родничок освобожу...

Действительно, самое главное здесь люди, люди моей Кабардино-Балкарии.

Я вглядываюсь в даль столетий,
Мне кажется, что — дети гор —
Возникли мы на белом свете
Намного раньше этих гор.

По образу нам и подобию
Природа горы создала.
Не потому ль вершины птичьих
В небесный тянутся простор,
Что сила горцев, их величие
Воплощены в идее гор.

И все же опять и опять восхищаюсь
величием этих гор!

— А какие чудесные леса в Кабардино-Балкарии! Чего только нет в этих лесах! — говорю я гостю.

...Стало вечереть. Многие начали разъезжаться. И мы, выезжая из Приэльбрусья, остановились в заоблачном городе Тырнаузе — гордости

промышленности республики, городе, где живут мои земляки, мужественные люди, с твердым и устойчивым характером, как и сама руда, которую они добывают. Этими людьми я горжусь и восхищаюсь.

Здесь мне знакомы каждый камень, каждая тропа. Здесь я родилась, и здесь прошло мое детство. Вот речушка Гирхожан, которая волочит по прозрачному дну камня. Она меня поила с самого рождения прозрачной, чистой водой. Нет дорожки для меня в мире, чем эта земля. Вот камень, на котором когда-то посиживал мой дед, вот двор, где когда-то стояла наша сакля. Здесь многое в корне изменилось, как во всей моей республике. Но не изменилась любовь к этим камням, к этим горам, к земле родной, такой теплой и нежной. Эта любовь спасала от стихии, от вражеской напасти. Вот такая неиссякаемая любовь к родной земле, к ее каждому камню, каждой травинке спасла нашу великую Родину от фашистской нечисти. Солдат из Рязани, солдат из Сармакова и Байдаевки, из Бухары, из Донецка, из Борисова шли на смертный бой, каждый за свою теплую, единственную землю, и все вместе за общую нашу великую Родину, имя которой — СССР.

ВЫСОКО И ГЛУБОКО.

ИСКАТЬ

Пятилетка, молодежь, писатель...

Знакомый инженер сказал: — Тебе это будет интересно. Очень специфический народ. Первоклассные мастера, но врачи. Стимул один — деньги. Длинный рубль. А дело знают, сами себе и мастера и прорабы. Вот увидишь, любопытно будет поговорить...

И вот опять у нас с товарищем встреча в общежитии. Только строители совсем не те, что в прошлый раз. Не мальчики в расклешенных брюках, не девочки со школьным румянцем. Электромонтажники-профессионалы, мастера, знающие себе цену, взрослые, матерые мужики. От тридцати до сорока — самый трудовой возраст.

Народ явно семейный, в жизни четко определившийся. Гоняться за модной тряпкой таким ни к чему, одеты без затей. Кто в тренировочных брюках с ковбойкой, кто в куртке, похожей на спецовку. Если костюм, то из тех, что оказался в магазине в день полочки. И рубашка не в тон и не в контраст костюму, а та, что в чемодане была уложена сверху. Бывалые, прочные люди.

Женщины ни одной. И обстановка не та, что в молодежном общежитии. Мы с товарищем за мрачным казенным столом. Собеседники наши — напротив, на стульях, расставленных ровными рядами. Интим, уют — о подобных антимониях в этом общежитии не заботятся. Чай не пьем.

— Сегодня у нас встреча с писателями, — говорит наш приятель-инженер и добавляет все предписанные ритуалом вежливые слова.

Электромонтажники смотрят на нас доброжелательно, но без особого интереса. Писатели так писатели, отчего бы и не поговорить. Хотя, с другой стороны, от телевизора оторвали.

Мой товарищ молод, но уже выпустил книгу прозы, готовит сейчас вторую. Невысок, ходит чуть враскачку. Джинсовый костюм, тельняшка под горло, в руке толстый блокнот, над густыми бровями ровно нависающие волосы — суровая прическа римского легионера. Несмотря на молодость, он повидал в жизни всякого, на людях рассказывает интересно. Однако сейчас немного оробел. Хорошо говорить, когда тебя хотят слушать. А у этих в глазах любопытства не густо.

Говорю электромонтажникам:

— Чтобы не тратить время, скажите-ка сами, о чем бы вам хотелось потолковать. Что вас волнует?

Секунд с десятков — пауза.

Потом коренастый парень лет тридцати в мягкой ковбойке говорит негромко, но твердо:

— Платят мало.

Вот тебе и раз! Разыгрывает он, что ли? Разговор наш предварительный подслушал? Обычно сперва про литературные новинки спросят, про творческие планы...

Но нет, все всерьез. Мужики одобрительно кивают, поддерживают:

— Сперва ничего было, а сейчас...

— Да я дома больше получаю...

— Разве это деньги? Жена вон пишет...

Хоть и предупреждал приятель-инженер, но к такому мгновенному развороту событий мы никак не готовы. Спрашиваю коренастого:

— А сколько у вас тут выходит?

— Да не больше двухсот пятидесяти.

— Ну, не так уж и мало. Мастер ваш сколько получает? Сто тридцать?

Наш инженер кивает в такт. Он как раз мастер — сто тридцать в месяц...

Мой оппонент роста среднего, но плечи на редкость широкие. Мускулы на руках так и бугрят ковбойку. Лицо сухое, жесткое. И странно свисает на низковатый лоб русая детская челочка. Он снисходительно объясняет:

— Так ведь какая работа у мастера и какая у меня!

Тут он прав, пожалуй. Работа у электромонтажника тяжелая. Хоть в дождь, хоть в снег,

хоть в мороз, и все больше на высоте. Притом шевелиться надо быстро, опаздывать нельзя: если цемент, согласно популярному лозунгу, хлеб стройки, то электричество, наверно, — кровь стройки. И еще чего нельзя электромонтажникам — это халтурить: сеть под напряжением, дело серьезное.

Да, тут он прав, работа строгая. И все же... — Так ведь и двести пятьдесят, — возражаю, — это не сто тридцать.

Теперь выступает высокий мужчина лет сорока, голубоглазый, с мягкими чертами.

— Это если бы дома двести пятьдесят...

— А вы издалека? — интересуется мой товарищ.

— Из Черкасс, — отвечает. И продолжает вежливо, с приятной улыбкой убеждать: — Ведь семье послать надо? Здесь на еду надо? Из одежды то, се надо?

— Пива выпить в воскресенье, — подсказывает кто-то.

— Пива выпить, — повторяет голубоглазый. И ведь опять верно! Все надо — даже пива выпить в воскресенье.

— Ладно, — говорю, — допустим, двести пятьдесят в месяц — мало. Что же мешает зарабатывать больше?

Маленькая пауза. И опять отвечает коренастый в ковбойке. Он сидит в первом ряду, не на стуле, а в креслице, удобно сидит, развалившись, вытянув ноги в стоптанных кедах. В общем-то правильно сидит: время вечернее, разговор товарищеский, а он у себя дома. Но уж очень у парня тон непререкаемый, вот и кажется поза вызывающей.

— Так ведь начальства-то сколько, — говорит он, — и мастера, и бухгалтеры, и контролеры. И на всех заработать надо.

Никто не возражает. Наоборот, кивают, подкивают.

Мой товарищ тайно трогает меня за локоть и шепчет встревоженно в самое ухо, из конспирации стараясь даже губами не шевелить:

— А ведь они, небось, и про нас то же самое думают.

— Про злобинский метод, — спрашиваю, — читали?

— Бригадный подряд? Слыхали. Умная вещь.

— Ну, вот, допустим, вам дали бы такой подряд на электромонтаж. Сколько бы вы начальства над собой оставили, вплоть до прораба?

Теперь думают основательней. И опять коренастый в ковбойке говорит за всех:

— Одного. Прораба.

— Даже бухгалтера не надо, — голубоглазый соглашается, — бригадир зарплату раскидает.

— А ОТК? — спрашивает мой товарищ.

Улыбаются снисходительно:

— Так если сами за подряд будем отвечать, зачем нам ОТК? Мы-то друг за другом все видим.

(Кстати, на следующий день я спросил одного из руководителей стройки, как, по его мнению, — дело говорили мужики в общежитии или просто языки чесали. Он ответил, что малость перегибают, но в принципе правы: раза в два, например, сократить аппарат между рабочими и прорабом можно. Однако для злобинского метода нужны профессионалы высокой квалификации и надежности, а таких на стройке, отчасти из-за той же текучести, пока что меньшинство. И очень много молодежи, которую еще учить да учить.)

— Конечно, наш заработок тоже деньги, — говорит кто-то, — но если учесть квалификацию...

— Ну, ладно, — соглашаюсь, — предположим, две с половиной сотни в месяц — мало. Ну, а сколько достаточно?

Молчат. Непривычный вопрос. Что больше денег — лучше, это знают точно. А вот где остановка, да и есть ли она, видно, не задумывались.

— Н-ну... — начинает было коренастый, но тем фразой и кончается.

Они думают, и я думаю. Что-то вязнет, буксует наш разговор. Ощущение такое, будто лижу сахар через стекло: вроде все так, а не сладко. Спрашиваем, что хотим, и собеседники у нас не робки — режут впрямую, как думают. А вот до сути никак не доберемся.

Ну, хотят больше денег. Само по себе еще не криминал. Да и кто хочет их меньше? Мне, что ли, деньги не нужны? Или приятелю-инженеру? Да и люди эти, если разобраться, вызывают у меня вовсе не неприязнь — скорее, сожаление. Ведь работают дай бог каждому. А живут — можно бы и лучше. Можно бы и ярче, насыщенней.

Принцип социализма известен: каждому по труду. Деньги свои они берут, это точно. А вот радостей жизненных получают не по труду — меньше, куда меньше. Наш приятель-инженер зарабатывает вдвое хуже, а живет четверо интереснее. Фильмы смотрит только талантливые. Книжки читает только стоящие. Сам человек увлеченный — и дружит с увлеченными. Даже стихи пишет от избытка жизненной радости. Словом, живет во весь размах своих двадцати трех лет.

А они в свободные вечера, как кролики перед удавом, сидят неподвижно перед гипнотизирующим глазом телевизора. Так на что им деньги? Сколько ни зарабатывай, по «телику» программа для всех одна... Хорошая штука деньги, когда умно их тратишь. А иначе они становятся как бы наркотиком, не средством, а целью. И большой заработок не приносит человеку ничего, кроме жажды еще большего заработка. Как соленая морская вода — сколько ни пей, жажды не утолишь.

— А зачем, — спрашиваю, — вам деньги?

Смеются. Понимают юмор.

— Да нет, — пытаюсь объяснить, — я серьезно. Ну, вот вы, например, — обращаюсь к голубоглазому, — ну, накинут вам сотню, что с ней станете делать?

Все же улыбаются. Вроде я им сказочку завел. Однако голубоглазому вопрос задаю, а он человек вежливый, отвечает:

— Ну, хоть костюм приобрету.

— А на вас не костюм?

Неуверенно произносит:

— Получше выберу, подороже.

Получше вряд ли выберет. Подороже — да...

Коренастый из первого ряда с вызовом произносит:

— Ковер куплю!

— А зачем?

— Как зачем? — не понимает он.

— Ну просто — зачем? Пыль будет собирать. К коврам еще и пылесос нужен. Зачем вам лишние хлопоты?

Довольно нелепый мой вопрос производит на коренастого неожиданное действие. Он разводит руками, застенчиво улыбается, и вдруг оказывается, что холодноватые его глаза могут быть светленькими, как у подростка.

— Так ведь у людей-то есть, — начинает он и оглядывается на соседей — так ли, мол, говорю. Те не возражают, он поуверенней, но все с той же застенчивой улыбкой объясняет, будто извиняется: — Мы ведь друг перед другом живем...

Ладно, сейчас лето и жара не очень. Но ведь придет и осень и зима. А он все так же, от погоды независимо, будет вершить свой тяжелый труд — неужели для того только, чтобы сосед, заглянув вечерком, увидел на стенке тот же ковер, что и у себя дома? На что тратятся недюжинные силы человека?

Но это я так думаю. Он-то, может, совсем иначе.

Он-то, небось, думает: вот заглянул вечером сосед на чаяк, а на стене ковер. И сразу видно, каков хозяин. Не лодырь, не дурак. Достойный человек!

Он-то, небось, думает: с ковром можно и жене сказать — вот вышла бы тогда замуж за инженера, вешала бы теперь на стену картинку за четьре с полтиной.

Для него, может, ковер вроде диплома или

И НАЙТИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМАХ МОЛОДЕЖНОЙ СТРОЙКИ

почетной грамоты — чего достиг. А с грамоты можно и пыль сдувать...

Действительно, нужен ему ковер. Действительно, нужны деньги.

И тут у меня вдруг возникает недоумение, которое я выкладываю собеседникам с бестактностью, огорчающей моего товарища.

— Ну, ладно, — говорю, — согласен. Доказали: плохие здесь заработки. Дома выгодней получалось. Но тогда объясните, пожалуйста, какого черта вы сюда приехали? И почему не уезжаете сейчас, когда все свои невыгоды поняли?

Опять выходит пауза. Молчат, даже не переглядываются... И тут коренастый крепыш в ковбойке, тертый и катаный профессионал, знающий себе цену, охотник за длинным рублем, полтора часа подряд цепко и неуступчиво толковавший о деньгах и только о деньгах, — тут он распускает губы в растерянной улыбке и проносит беззащитно:

— Так ведь романтика...

А монтажник из Черкасс, сорокалетний семейный мужик, с мягким жестом поясняет, словно оправдывается:

— Веаде пишут — КамАЗ, КамАЗ...

Странные врачи обитают в Челнах.

В самом конце разговора мы с товарищем все же решаемся тронуть столь интересную нас деликатную тему.

— Вот послушайте. Мы сюда приехали в командировку. Суточные получаем по два шестьдесят, на гостиницу дают рубль с половиной. Мы, правда, не мастера и не контролеры, но ведь тоже дома не строим. Можно сказать, приехали за ваш счет...

Сразу несколько голосов:

— Вы же писатели... Это — другое дело...

Мой товарищ поднимает ладонь:

— Товарищи, разговор ведь откровенный. Мы же не обидимся. Нам просто интересно, что вы на самом деле думаете.

Коренастый с обычной своей твердостью проносит:

— Нет, литература нужна.

— А вы много читаете?

Это вопрос всем.

Мнутса. Потом кто-то подает голос:

— Так ведь времени-то...

— На телевизор же хватает.

— Телевизор что, — оправдывается голубоглазый из Черкасс, — телевизор — так. А книга...

И опять энергично вмешивается коренастый:

— У нас ведь дети растут, — сурово говорит он. И повторяет, будто ставит точку: — Нет, литература нужна.

...Едем в гостиницу ночным трамваем, почти междугородным — от строящегося завода до поселка КамГЭС тянется линия чуть не в двадцать километров длиной. Трамвай — одно спасение для засидевших в гостях или работников разных ночных служб: автобусы в одиннадцать уходят в парк, попутную сейчас не поймаешь, а такси в Челнах нет — они, конечно, уже город, но все-таки еще стройка.

Бежит трамвайчик, делает свое спасительное дело. Тихо вокруг, только колеса постукивают да время от времени щелкает, искрит контакт на дуге. А линию над рельсами тянули, может, как раз наши сегодняшние хозяева. Ведь специалисты высокого класса и широкого профиля. Наверное, и это умеют...

Да, но ведь я собирался говорить о рабочих молодых. При чем же тут эти, опытные, сложившиеся, да к тому же сложившиеся, увы, не самым распрекрасным образом?

Да при том, что лет десять назад они тоже были молодыми. При том, что сегодняшние двадцатилетние лет через десять сложатся и устоятся. Но вот как?

Сейчас их интересует в Челнах все: и гигантские коробки заводов, и новые кварталы, и воскресники по озеленению, и танцы на цементном «пятачке», и названия городов на куртках у ровесников. Неужели и они спустя десятилетие на вопрос, что волнует, не задумываясь, скажут: «Платят мало!»?

Наверное, мне возразят, что большинство опытных строителей — люди интересов широких и разнообразных. Согласен. Но ведь и те, с кем мы говорили сегодня, не исключение. Так как же получилось, что они, знатоки и умельцы, приладили смотреть на окружающий мир прежде всего сквозь окошко бухгалтерии? Они, которых нельзя даже назвать вчерашними романтиками, потому что они по-своему и сегодня романтики — приехали же в Челны!

Мы много и подробно пишем о передовиках, излагаем их поучительные биографии, размышляем, что помогло им развиться и созреть. И верно делаем, ведь главное даже не похвалить, а разобраться, откуда берутся передовики.

А о врачах говорили так, словно они к нам с неба падают. Их мы клеймим без размышлений. Раз врачи — значит, виноваты.

Когда человек заболевает холерой, медики стремятся разоблачить не больного, а источник заболевания.

Рвачество тоскливо и безрадостно, как холера. Может, и к врачам стоит относиться не как к виновным, а как к больным?

И — где источник заболевания?

Кто же рвач?

Вот какой случай произошел года три назад на одной ныне уже законченной стройке.

В жилом квартале возводился детский садик. Открыть его предполагалось в феврале, коробку надо было кончить к середине декабря. Но строители успели раньше, к концу ноября. Как ни странно, это вполне положительное обстоятельство послужило причиной последующих неурядиц.

Дело в том, что к организации, среди прочих объектов строящейся садики, в качестве то ли шефа, то ли наблюдателя был приставлен среднее ответственный профсоюзный товарищ с птичьей фамилией Беркутов. Так вот Беркутов смекнул, что до нового года еще больше месяца, и сразу загорелся идеей перевести садики в объекты пусковые и, следовательно, сверхплановые. Он тут же прикинул, что если удвоить количество штукатуров-маляров и вести отделку не после прочих работ, а параллельно, можно тютелька в тютельку поспеть к новому году рапорту.

Этот план вызвал сугубо профессиональные возражения. У строительных работ своя продуманная очередность, нарушение ее чревато неприятностями. Должны прийти и уйти сантехники, слоботочники, благоустроители — лишь потом являются отделочники и придают зданию окончательный вид, от которого и зависит настроение будущих жильцов. «Человек живет в отделке» — так выразился один очень толковый начальник СМУ. Да и бросать на объект удвоенное количество рабочих экономически нелепо. Они только мешают друг другу. Производительность падает, государство теряет в деньгах, рабочие — в заработках.

Однако человек с птичьей фамилией на строительное начальство надавил, а рабочих взял на себя. Он собрал молодежь и сказал примерно следующее:

— Надо, ребята. Все понимаю, но когда речь идет о детях, денежные соображения отходят на второй план. Пацанята ждать не могут. Кровь из носу, но...

Кто-то сказал с сомнением:

— А потом придут деревья сажать... Что от нашей отделки останется?

Беркутов положил ладонь на грудь:

— Для детей ведь делаем. Сам прослежу. Бульдозер на цыпочках пройдет, стеклышко не звякнет...

Выходных не было. Личную жизнь молодежь перенесла на январь. В последний день года комиссия зажмурилась, где надо, и садики, хоть и с оговорками, был принят.

Возможно, Беркутов и сам верил, что за дальнейшей судьбой садики внимательно проследит. Но то, что казалось столь значительным двадца-

того ноября, первого января несколько поблекло.

Все пошло своим чередом. Участок не засеяли из-за орехов в сантехнике и груд мусора во дворе. Благоустроители были заняты в другом месте. На элегантных крылечках пустующего садики мальчишки играли в войну. Время от времени во двор забредал очередной триумвират при поллитровке.

Когда пришли благоустроители, выяснилось, что бульдозер на цыпочках ходить не умеет, а деревья сажают не ювелиры. Стеклышки звенели вовсю.

В марте, на месяц позже не сверхпланового, а планового срока, пускать детишек в садик было нельзя: требовался основательный ремонт.

Все это грозило немалыми неприятностям, в том числе и шефу — наблюдателю с птичьей фамилией. Опять он собрал ребят и, надо отдать ему должное, сумел найти верный тон:

— Моя вина, — сказал он, — простить себе не могу. Поверил на слово, а надо было каждый день проверять. Моя вина. Если можете, выручите, ребята...

Ребята поворчали, но выручили. Садик все же вошел в строй.

На первом же ответственном собрании Беркутов красочно рассказал, как допустил ошибку, ослабив контроль, как обратился за помощью к комсомольцам, и они — замечательная, бескорыстная молодежь — самоотверженно пошли на штурм во имя поставленной задачи. С такими ребятами, сказал он, можно горы своротить.

Хвалил Беркутов молодых строителей, а хлопали ему. Председатель собрания прокомментировал его речь весьма благожелательно. Ему тут же поручили ударный объект, школу-десятилетку, и это было воспринято не как очередное задание, а как акт доверия и признания заслуг.

— Сумеете к сентябрю? — спросили его.

— Со своими ребятами, — сказал он, — и раньше.

И, действительно, он сразу подсчитал, сколько кого надо, нажал на строительное начальство и вновь собрал отделочников, уже ставших своими.

— Надо, ребята, — сказал он, — школьники ждать не могут. Кровь из носу — занятия должны начаться первого сентября. Я от вашего имени обещаю сдать школу первого августа. Берем, ребята?

Вопрос был, в общем, риторический, в ответе он был уверен заранее. И поэтому буквально остолебел, услышав ленивую реплику:

— А что мы с этого будем иметь?

Впоследствии Беркутов долго и обиженно ругал эту современную молодежь, сплошь циников и рвачей, которым плевать на все, кроме длинного рубля.

Однако в рассказанной истории рвачами были вовсе не молодые отделочники. Ведь предмет рвачества может быть не только длинный рубль. Порой стремятся урвать и должность, и авторитет, и внимание начальства, и славу, в большинстве случаев имея в виду, что рубль потом приложится автоматически. Так вот, гражданин с птичьей фамилией и был таким рвачом, замаскированным, но наглым и беспардонным. Причем государству он обошелся куда дороже, чем какой-нибудь простодушный шабашник с инструментом в заплечном мешке.

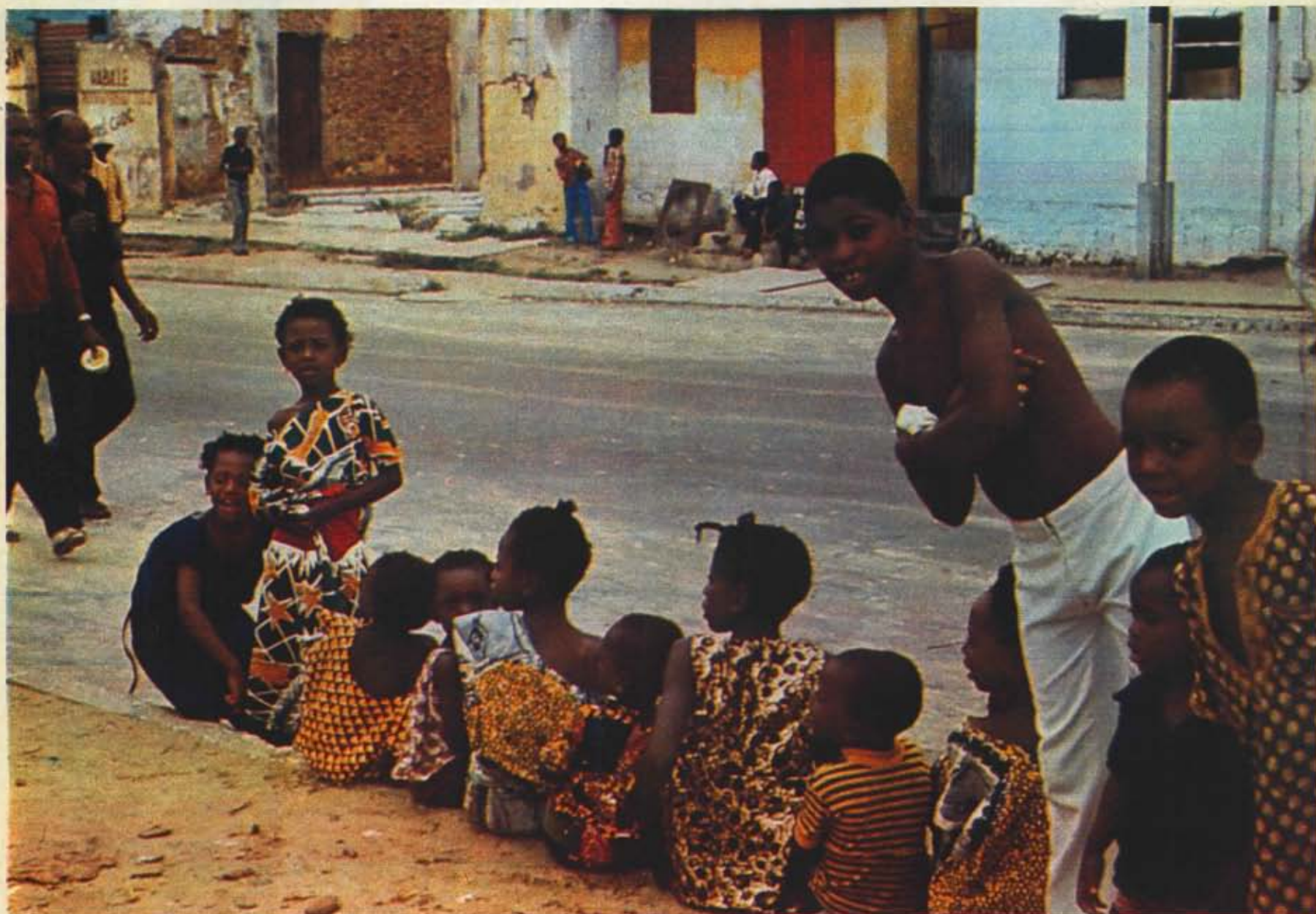
Ну, а что ребята заговорили о деньгах, да еще в такой вызывающей форме, понять нетрудно. Они были злы, что дали обмануть себя лицемеру, и в разговоре с ним, естественно, оборотов поделкатей не искали.

Обидно, что Беркутов из этой истории выскокил благополучно. Вдвойне обидно, что бригада отделочников вскоре распалась и в основном развехалась.

Легуны? Рвачи?

Нет, они не стали рвачами. А могут стать? Увы, не исключено. Несколько подряд случаев нахального, победительного рвачества — и недавним школьникам оно может показаться законом жизни...

НАБАТ ЗОВЕТ...

Орган горюет, скорбит. Орган торжествует, славит бытие. Орган размышляет о жизни, и черный Христос задумчиво взирает на прихожан. Их немного в это воскресенье в соборе святой Анны — судьбы людей неузнаваемо изменились с тех пор, как был построен этот необычный храм с зеленой черепичной крышей. Острые ребра напоминают о готике и порывают с готикой, с формировавшейся веками архитектурой кафедральных соборов, рвущихся вверх, в небеса, уходят от готики, вне которой, казалось мне всегда, немислим католицизм.

А напротив Христа — Мадонна, негроидная Мадонна, как две капли воды похожая на тех женщин, что выходят сейчас из собора, мать, так высоко чтимая в этой стране, где дети — высший смысл жизни, самая желанная награда, где чужеземцу, имеющему одного ребенка, сочувствуют, как человеку, на которого обрушилось жесточайшее несчастье.

А около собора святой Анны играют на улице дети — веселье, озорные дети с круглыми громадными глазами.

Не знаем, можно ли их фотографировать, не обидишь ли, ведь живы еще, предупреждали нас, верования, будто, фотографируя, крадешь ду-

шу. Спрашиваем разрешения, и мальчики охотно позируют, а потом сопровождают нас по начинающемуся здесь же, у собора, проспекту Мира, по праздничному, украшенному флагами проспекту, ведущему к площади Мира, — сегодня Браззавиль, вся страна празднуют одиннадцатую годовщину создания молодежного союза.

Громадные пальмы, манговые деревья и красная акация прочерчивают улицы, в их тени спасаешься от тропического палящего солнца. Сейчас здесь, в Конго, малый сухой сезон. Обычно в двенадцать, в самое пекло, жизнь замирает, но сегодня торжества продолжаются, и, может быть, еще и потому так тихо и малолюдно в относительно прохладном, полутемном соборе святой Анны.

— Церковь от государства у нас не отделена, мы пошли сейчас по иному пути — отделили молодежь от церкви, — рассказывает секретарь ЦК Союза конголезской социалистической молодежи (СКСМ) Марсель Туанга. — В своей работе мы используем порой церковную атрибутику для привлечения молодежи на наши праздники, но церковные хоры поют теперь революционные песни. В уставе союза записано, что член СКСМ не может быть верующим.

Наша молодежь, а две трети всего населения Народной Республики Кон-

го — это молодые люди, твердо следует избранному народом, страной, Конголезской партией труда курсу — построению социализма. Хочу напомнить, что председатель ЦК КПТ, президент страны товарищ Мариан Нгуаби подчеркивал, что нет социализма африканского или конголезского. Есть только один — научный, марксистско-ленинский социализм. Мы преодолеем наследие колониализма, как бы ни было это трудно, мы построим новое общество...

В КИНКАЛЕ, ЦЕНТРЕ ОБЛАСТИ ПУЛ

Путешествие на другой континент всегда увлекательно.

Другой мир, другие нравы, иные обычаи.

Чужая, загадочная земля.

Непривычное, необычное замечаешь в первую очередь. Пальмы с кроной, напоминающей гигантский веер. Крокодилы, равнодушные ко всему на свете, в искусственном бассейне во внутреннем дворике отеля «Мижитель» в Пуэнт-Нуаре. Попугай на соседнем балконе, с энтузиазмом

повторяющий неизменное «Бонжур!». Ящерицы в ресторане и холле отеля «Космос», построенного с помощью Советского Союза в Браззавиле.

Шумные, живописные улицы. Продавцы, выложившие прямо на земле свой товар — деревянные фигурки, бусы, кольца, ожерелья из слоновой кости, бумажники и сумочки из кожи питона.

И краски. Звуки. Огромный, неисчерпаемый, ошеломляющий мир Тропической Африки.

Ну что, казалось бы, может быть проще и банальнее, чем вечер отдыха? Чем танцы под оркестр?

На второй день в Браззавиле нас пригласили на вечер, который проводился в «смешанной столовой» местного гарнизона.

Навесы, спасающие от дождя, образуют четырехугольник. А в центре, под открытым небом, площадка, выложенная плитками. А на площадке... Нет, не радуга: семи красок было бы мало, здесь их больше, неизмеримо больше. Голубые джинсы с розовыми и синими вышитыми цветами дополняются брюками оливкового, темно-болотного, нежно-зеленого цвета, всеми оттенками желтого и оранжевого. Одни плотно обтягивают фигуру и умеренно заузены книзу, другие неизмеримо расклешены, ширина их внизу доходит до полуметра. И, конечно же, светло-розо-

вые тона у девушек и оранжевые у молодых людей, видимо, сейчас особенно популярные.

Изумляет пластика девушек, их врожденный артистизм. Они не ходят, а несут себя. И не столько на танцплощадке (здесь движения диктуются ритмами), сколько на улице, — пожалуй, именно потому могут паразитически стройные конголезские женщины переносить на голове громадные свертки и корзины: они предпочитают нести тяжесть не в руках, а вот только так, оставляя руки свободными.

Танец продолжается не три-четыре минуты, как мы привыкли, а минут пятнадцать, может, даже больше, и потому стоит взвесить свои возможности, точно оценить собственную спортивную форму, прежде чем рискнуть пригласить даму. Ритм захватывает, увлекает, оркестранты не только легко управляют со своими довольно шумными инструментами, но и приплясывают в ритм танца.

...Проходит день, другой, к экзотике не то что привыкаешь, за несколько дней это, конечно же, невозможно, с ней просто смиряешься, отодвигая ее на второй план, а на первый выходят другие, порой и не сразу заметные стороны жизни далекой страны, и вдруг — впрочем, почему вдруг, это неизбежно, — замечаешь, что они значительно любопытнее, ин-

высоких саванных травах теряются машины, может быть, даже более заметны, нежели в столице, процессы, происходящие сейчас в стране.

Начинается самая простая, изначальная стадия кооперации — пожалуй, я назвал бы эти сельские объединения предкооперативными, что ли. Вот один из кооперативов. Тридцать его членов по одному дню в неделю работают на общем поле, а остальное время — на своем. Однако, как рассказал нам Пьер Мятака, уже есть объединения и более высокого уровня, в которых крестьяне заняты на кооперативных полях два, а то и три дня в неделю. Сельскохозяйственная техника направляется государством в первую очередь в кооперативы, которые, как полагают наши собеседники, со временем начнут укрупняться. Партия материально поощряет такие объединения, однако уделяет внимание и организации госхозов. В области уже созданы четыре государственные фермы, где выращивается крупный рогатый скот.

Развивающаяся страна... Эти слова — как вывод, как итог, выносимый из каждой беседы, из каждой встречи. Каноны, складывающиеся годами, навязываемые десятилетиями, рушатся. Родается новое. А это трудно, подчас мучительно трудно, ибо приходится преодолевать привычки и заблуждения, искусственно культивиру-

УЛИЦЫ БРАЗЗАВИЛЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ.

АРМЕЙСКИЙ АКТИВ СКСМ.

НА ОКРАИНЕ ПУЭНТ-НУАРА.

тереснее, чем веерные пальмы или крупные белые птицы, белой сетью опустившиеся на деревья у реки.

Мы приехали в Кинкалу, центр области Пул, и член ЦК КПТ, член ЦК СКСМ, первый секретарь обкома партии Пьер Мятака, показывая нам маниок (наслышавшись об этом растении, видели мы его впервые), подробно рассказывал, какие превращения претерпевают эти крупные корнеплоды, прежде чем попадут к столу. Интерес к маниоку станет понятен, если припомнить, что Пул — область сельскохозяйственная, а маниок — главная в этих местах культура. Здесь выращивают кукурузу, ананасы, рис, табак, авокадо, иначе называемый аллигаторовой грушей (авокадо в Браззавиле чаще всего подают под майонезом). А вот манговые деревья растут сами, с ними, как у нас за яблоней-дичком, не ухаживают. Долина Конго с ее илстыми почвами фантастически плодородна, и удобрения, как нам объяснили, практически не нужны.

В этих благодатных краях, где в

емые и поддерживаемые многие годы теми, кто хотел бы остановить Время.

Наследие колониализма...

Это не только слабое или одностороннее развитие экономики, не только экономическая зависимость от бывшей метрополии. Это не только фора в десятилетия, вырванная бывшими заморскими хозяевами — английскими, нидерландскими, французскими, бельгийскими. Не только коляски с большими полиомиелитом и сохранившиеся и по сию пору родоплеменные общины. Это и...

На улицах Браззавиле еще встречаются знаки «Шелл, 1 км». Они выцветают под безжалостным солнцем, их снимают, смывают со стен домов и бензозаправочных станций. Местные отделения «Шелл», «Тексако», «Мобил», печально знаменитых «нефтяных сестер», гигантских корпораций, ставших едва ли не самыми распространенными символами империализма, были национализированы в январе 1974 года, и на их основе создана государственная компания «Гидро-Конго». Но если несложно демонтировать светящуюся рекламу «Тексако», нетрудно смыть буквы «Мобил», стереть со стен изображение раковины «Шелл», то совсем непросто стереть из памяти людей, из истории страны мрачные (неоновые раковины не столько разрывали темноту,

сколько мешали стране выйти к свету) десятилетия угнетения народа, преодолеть неисчислимы последствия колониальной зависимости.

Чуть более пятнадцати лет назад на картах не было Народной Республики Конго. На картах значилась Французская Экваториальная Африка.

Но и из этих лет нужно вычерсть годы, когда молодая республика Черной Африки лишь формально была свободной и независимой, — только с августа 1963 года, когда было свергнуто реакционное неокониалистское правительство аббата Юлю, Народная Республика Конго стала на путь построения нового общества.

Едва ли не все беседы начинались одной и той же темой — свобода завоевана недавно, а наследие колониализма тягостно и многообразно.

Так начал свой рассказ и Жак Буити, мэр Пуэнт-Нуара. Он говорил, что все нахлынувшие на город экономические и социальные проблемы упираются в нехватку денег, в слабое развитие экономики. Продукты питания, жилье, транспорт, здравоохранение, социальное обеспечение — это, увы, касается не только Пуэнт-Нуара, но всей страны.

Судьбы страны преломляются в судьбах людей, и биографии крестьянина, учителя, художника неотделимы от истории его родины.

Мы побывали у Грегюара Массенго, одного из самых известных художников Африки. Его работы по дереву вызывают смешанное чувство изумления и восторга: скульптурные миниатюры, сработанные из черного и железного дерева, фигурки из красного дерева безупречны по вкусу и изяществу. Художнику пятьдесят восемь лет, его достижения общепризнанны, я видел почетные дипломы, которых Массенго удостоен и в Браззавиле и в Париже, у него более ста учеников, но когда я попросил автограф... художник нацарапал только две буквы. Потом, на обратном пути, мне пояснили: «Мастер нигде и никогда не учился, ведь большая часть его жизни прошла в то время, когда наша страна еще не избавилась от колониальной зависимости».

И снова вспоминаются слова Марселя Туанги: «Наследие колониализма многолико...»

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО

Громадные емкости, предназначенные для хранения сырой нефти и нефтепродуктов, еще не покрашенные, закрывают вид на океан.

— А вот здесь, под землей, кончается нефтепровод, тянущийся от вышек, поставленных прямо в океане, недалеко от берега. Нефть начнет поступать сюда, едва завод вступит в строй...

Сопровождающий нас специалист, видимо, впервые выступает в непривычной для него роли гида и потому, волнуясь, беспокоясь, что его не поймут, постоянно переспрашивает: «Вы поняли?...»

Нефтеперегонный завод на окраине Пуэнт-Нуара строится с участием польских инженеров, техников и рабочих. На каждого конголезца приходится один наставник из Польши, а многие будущие операторы, технологи будущего завода проходят сейчас практику за рубежом.

— Мы создаем свои, национальные кадры. Пройдет немного времени, и мы сможем сами справляться со всем сложным механизмом этого современного предприятия. Мы думаем уже и о будущем: каждый работник будет непременно проходить переподготовку на курсах повышения квалификации. Хотите посмотреть курсы? Это ведь наш завтрашний день...

Мы хотим, и машина везет нас в будущее.

Страна преодолевает прошлое. Уходит от прошлого, сохраняя верность своим лучшим традициям. Идет становление республики. Нелегкое. Со счастливыми находками и очевидными победами.

Вернемся снова в Кинкалу. Как и другие наши собеседники, Пьер Мятуча начал разговор с прошлого: область Пул была особенно сильно задета колонизацией, жители этого района страны внесли большую лепту в освободительную борьбу, здесь был один из очагов сопротивления, и памятник Андре-Грегюару Мангуа в центре Кинкалы напоминает о патриотах, павших за освобождение страны.

Прежде Кинкалой и областью управлял правительственный комиссар, но прошло некоторое время, республика укрепилась, и вот два года назад власть была передана народному собранию. В областном народном собрании 41 депутат, а в районах, в зависимости от числа жителей, от 16 до 32 депутатов. Выборы проходят раз в три года, но сейчас положение о выборах находится в стадии совершенствования, и не исключено, что срок полномочия народных собраний будет увеличен до четырех лет.

Собрание, я снова цитирую Мятучу, стремится максимально полно использовать революционный пыл и энергию молодежи. Сейчас в области 270 членов СКСМ, но подано множество заявлений о приеме, и Пьер считает, что в ближайшее время организация увеличится до 2 100 человек. Пока работой руководит временный оргкомитет, который помогает создавать ячейки на предприятиях, в деревнях, в учебных заведениях, но скоро оргкомитет будет заменен выборным комитетом.

СКСМ провозгласил себя резервом партии, кузницей кадров. Молодежная организация набирает силы, укрепляет свои ряды. На II съезде СКСМ было решено перейти к новой структуре — сейчас организация строится не по территориальному, а по производственно-территориальному принципу.

Молодежь Народной Республики Конго стала одной из самых активных созидательных сил страны. Работают не только те, кто занят на заводах или полях. Студенты в дни каникул работают в трудовых лагерях, строят дороги, задают тон на посадках ценных пород деревьев.

Министр начального и среднего образования НРК, секретарь ЦК СКСМ по оргвопросам Жан-Пьер Нгомбе говорил нам о том, как важна для союза организационная и политическая помощь комсомола, и прежде всего в подготовке кадров, в разработке структуры союза.

Опыт комсомола тщательно изучается, и потому во время многочисленных встреч в комитетах СКСМ наши собеседники не только рассказывали. Еще больше они спрашивали. Проводили параллели между историей комсомола и первыми шагами СКСМ, просили рассказать о политической ситуации, об экономическом положении молодой Советской республики в двадцатом году, когда В. И. Ленин выступил с речью на третьем съезде комсомола. Сравнивали задачи, стоявшие в то время перед Коммунистическим Союзом Молодежи, и задачи, которые призван решать СКСМ, вспоминали, что и у нас в ту пору был частный сектор, выясняли, чем вызвано было введение нэпа.

Разумеется, любые параллели и сравнения весьма относительны, но, пожалуй, что-то общее увидеть можно, хотя все-таки различия слишком очевидны.

Погасли неоновые рекламы «Шелл» и «Мобил», и их место заняла госу-

дарственная компания «Гидро-Конго»; из Браззавила в Пуэнт-Нуар мы летели самолетом государственной компании «Лина-Конго»: национализировано производство электроэнергии и сахара; страна переходит к плановому ведению хозяйства: принимая меня, член ЦК КПТ, заместитель заведующего отделом пропаганды и информации ЦК КПТ Ришар Эйени подарил тоненькую брошюру «Трехлетний план развития НРК на 1975—1977 годы»; правительство взяло курс на расширение государственного сектора, но тем не менее роль частного сектора еще слишком велика, и именно потому на II очередном съезде КПТ было отмечено, что «на нынешнем этапе национально-демократической революции главной целью КПТ является достижение экономической независимости и передача в руки общества основных средств производства в стране».

Всякие параллели и сравнения опасны.

Историческое — тем более. В Советской России был сильный рабочий класс, закаленный в огне трех революций, руководимых партией, которая готова была взять власть в свои руки. А здесь, в Народной Республике Конго, национальный рабочий класс еще только формируется. Партия, расширившая в последнее время свои ряды, находится, как говорил нам первый секретарь горкома КПТ в Пуэнт-Нуаре, в стадии организационного оформления: напоминая, что рождение Конголезской партии труда было провозглашено в декабре 1969 года.

Острейшая проблема, волнующая страну, — нехватка кадров — находят самые разные возможности напомнить о себе.

Об этом здесь говорят, думают, спорят. Формирование национально-рабочего класса, подготовка специалистов для народного хозяйства — предмет особого беспокойства, и, наверное, поэтому гостеприимные хозяева так строили нашу программу, чтобы мы могли как можно лучше познакомиться с тем, как готовятся в стране будущие агрономы, строители, плановики, каменщики. И вот после знакомства с техническим сельскохозяйственным лицеем, после поездки на курсы повышения квалификации будущих операторов будущего нефтеперегонного завода нас приглашают в техническую среднюю школу.

Выступает школьный самодеятельный ансамбль. Такие ансамбли есть во многих школах.

Девушки и юноши, пританцовывая, поют. Им тесновато, выступают они прямо в классе, за ними непривычно высокие и узкие парты, рассчитанные на одного, но сидят сейчас по двое, помещений и классов пока еще не хватает.

Ребята поют: «Гремит набат, он возвещает о временах в Конго. Вставайте, берите винтовки, будьте готовы защищать народ, враги могут подобраться неожиданно. Молодежь должна стать на сторону партии и народной армии...»

Читэмбо, директор школы, в перерыве между песнями успевает сказать, что школу эту народ получил благодаря декрету о национализации, прежде большая часть учебных заведений принадлежала церкви, добавляет, что сейчас в школе 214 юношей и 182 девушки.

Ансамбль поет о борьбе против трайбализма, против попыток разделить континент и страну на племена, которые империалисты снова будут натравливать друг на друга...

В ансамбле завтрашние рабочие, служащие, студенты, и спустя полчаса мы встретим артистов в классе дизайнов, с мастерками каменщиков в руках, у пишущих машинок: школа го-

товит каменщиков (школьники своими руками перестроили и достроили несколько помещений), экономистов, специалистов по дизельным двигателям, плановиков, бухгалтеров, секретарей-машинисток. Наиболее способные продолжают учиться в университетах. У себя в стране. За рубежом. Только в СССР сейчас более восьмисот студентов из Народной Республики Конго.

МОНОЛОГ ЛЕЙТЕНАНТА

И опять фотография. Сделанная на прощание. На снимке — молодые офицеры разных родов войск. Молчаливый моряк в очках. Армейские офицеры. Политработники.

Погоны расширяются к плечу. На черном фоне две вышитые красные звезды с золотистой серединой. Звезды в зеленом круге. По краю золотой кант.

И Жан-Пьер Онанга, руководящий Союзом конголезской социалистической молодежи в армии, и Флорент Циба, ответственный за СКСМ в Браззавильском военном округе, как свидетельствуют две звездочки, лейтенанты.

Одна из самых распространенных истин (или заблуждений?) нашего века утверждает, что ключ к анализу политической ситуации в стране, недавно избавившейся от колониальной зависимости, в настроении армии, ее офицерского корпуса. Границы такого рода истин трудноуловимы, и порой догма или заблуждение начинаются там, где еще не успела потянуть своей силы истина.

Демократизация армии... К этой теме Жан-Пьер возвращается снова и снова:

— Во времена освободительной борьбы мы поняли, что народу необходима своя, народная армия. Но вследствие оппортунистической позиции прежнего правительства армия была народной только на словах. Сейчас у нас созданы четкие политические структуры — политкомиссии работают и на уровне частей и подразделений и на уровне округов. Армия полностью контролируется партией: человек с автоматом должен быть политически грамотным, должен ясно понимать, какие задачи стоят перед ним, ибо страна доверила ему оружие. Лозунг СКСМ: «Производство, дисциплина, винтовка!» Да, и винтовка тоже...

Строя новое общество, о винтовке помнят. О бдительности не забывают.

Но вернемся к рассказу Жан-Пьера Онанги:

— Наша главная задача — воспитание молодежи в духе марксизма-ленинизма, патриотизма, пролетарского интернационализма. Создание ячеек СКСМ началось в армии практически в 1974 году, начали мы эту работу в Браззавиле и в Пуэнт-Нуаре, она еще далеко не закончена, говорю вам об этом со всей открытостью.

Мы сумели очистить армию от антипартийных элементов, оппозиционеров, коммерсантов, но это не означает, что мы добились окончательной победы: теперь армия должна отвечать новым, более высоким задачам, которые стоят перед страной, приступившей к построению социалистического общества...

ПУТЕШЕСТВИЕ на другой континент всегда увлекательно.

Другой мир, другие нравы, иные обычаи.

Чужая, загадочная земля. Пытаясь найти некую равнодействующую в этом многокрасочном и многообразном вихре, я неизменно возвращаюсь к мысли, не однажды повторенной в этих заметках, — преодоление прошлого, выход на прямую дорогу.

ГДЕ ТОНЕТ ВСЕ, ЧТО МУДРО И ПРЕКРАСНО

Ирвин ШОУ
РАССКАЗ

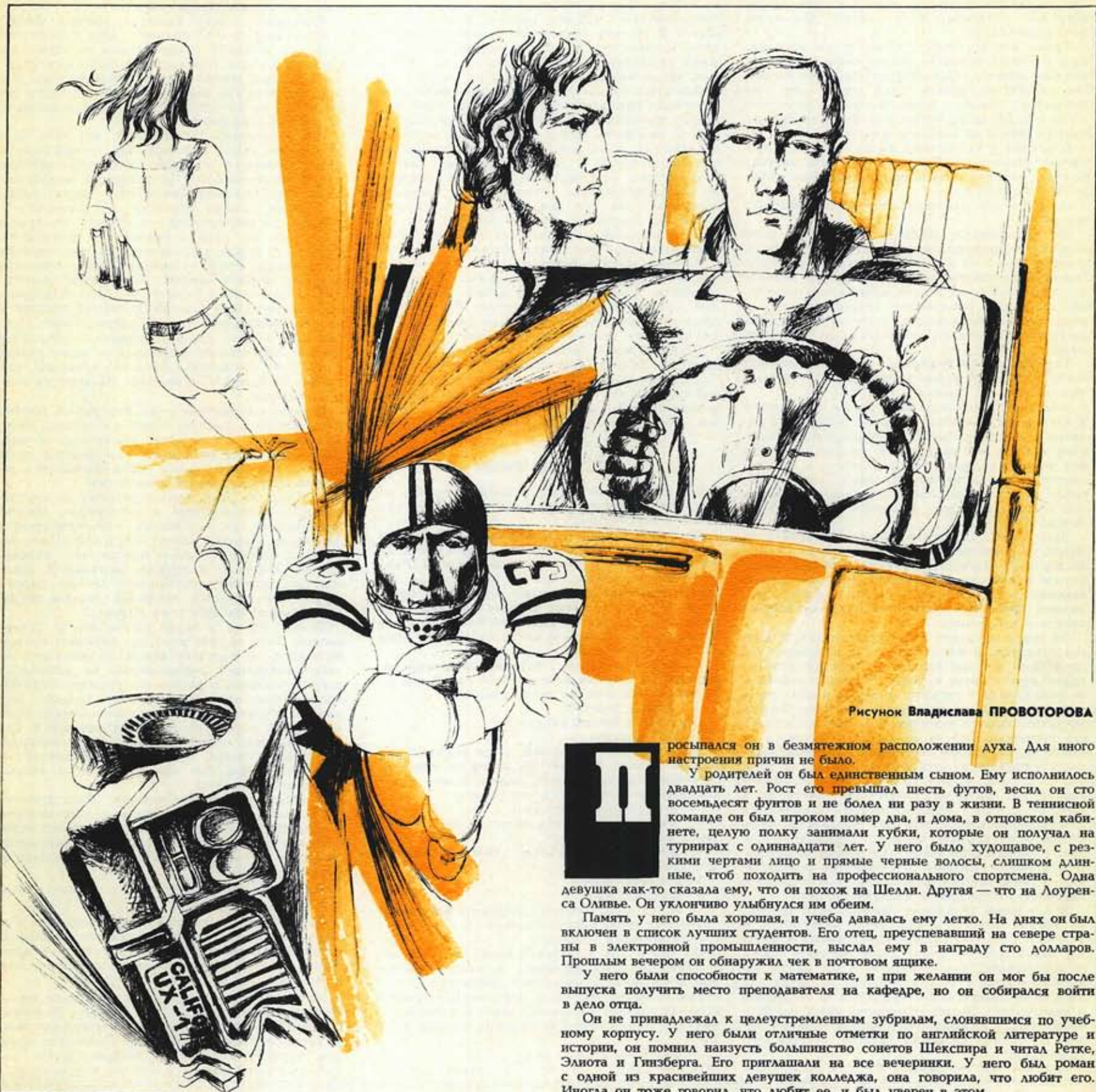

Рисунок Владислава ПРОВОТОРОВА

росыпался он в безмятежном расположении духа. Для иного настроения причин не было.

У родителей он был единственным сыном. Ему исполнилось двадцать лет. Рост его превышал шесть футов, весил он сто восемьдесят фунтов и не болел ни разу в жизни. В теннисной команде он был игроком номер два, и дома, в отцовском кабинете, целую полку занимали кубки, которые он получал на турнирах с одиннадцати лет. У него было худощавое, с резкими чертами лицо и прямые черные волосы, слишком длинные, чтоб походить на профессионального спортсмена. Одна

девушка как-то сказала ему, что он похож на Шелли. Другая — что на Лоуренса Оливье. Он уклончиво улыбнулся им обоим.

Память у него была хорошая, и учеба давалась ему легко. На днях он был включен в список лучших студентов. Его отец, преуспевавший на севере страны в электронной промышленности, выслал ему в награду сто долларов. Проплыв вечером он обнаружил чек в почтовом ящике.

У него были способности к математике, и при желании он мог бы после выпуска получить место преподавателя на кафедре, но он собирался войти в дело отца.

Он не принадлежал к целеустремленным зубрилам, слонявшимся по учебному корпусу. У него были отличные отметки по английской литературе и истории, он помнил наизусть большинство советов Шекспира и читал Ретке, Элиота и Гинзберга. Его приглашали на все вечеринки. У него был роман с одной из красивейших девушек колледжа, она говорила, что любит его. Иногда он тоже говорил, что любит ее, и был уверен в этом.

— Не разочаруешь меня, а?
— Нет.
— О'кей, — сказал Крейн. — Пойдем отсюда.
Счет они оплатили пополам.
— Заходите, мальчики, еще раз, — сказала официантка. — Я проиграю вам эту пластинку.

Она засмеялась. Ей понравились эти ребята. Один из них был очень красивым, а другой, чудаковатый и в очках, решила она, поразмыслив, большой шутник. Их присутствие помогло ей скоротать долгий день.

Возвращаясь домой, Крейн уже не ехал, как нервная старая дева на третьем занятии по вождению. Машину он гнал очень быстро, правя одной рукой и напевая «В центре города», словно ему было наплевать, погибнет он или нет.

Потом вдруг он снова стал предельно осторожен.
— Денникотт, — спросил он, — как ты намерен строить свою жизнь?
— Кто его знает? — сказал Стив, пораженный этой манерой Крейна пере-скакивать с одного громадного вопроса к другому. — Возможно, буду плавать по морям или строить электронную аппаратуру, преподавать, женюсь на богатой невесте....

— А что тебя влечет к электронике?
— Отцовское предприятие, — сказал Стив. — Наследственная деятельность.
— Нет, — сказал Крейн, покачивая головой, — этим ты заниматься не станешь. И преподавать в школе тоже не будешь. У тебя не тот характер. Мне кажется, что тебя ждет что-нибудь романтическое.

— Вот как, — сказал Стив. — Спасибо. А как ты намерен строить жизнь?
— Я уже все решил, — сказал Крейн. — Поступлю в службу лесоводства. Стану жить в хижине на вершине горы, следить за пожарами и сражаться с ними, чтоб сохранить природу Америки.

«Ну и амбиция!» — подумал Стив, но промолчал.
— Ты будешь ужасно одиноким, — сказал он.
— И хорошо, — сказал Крейн. — Буду много читать. Все равно я без особого восторга отношусь к своим собратьям. Предпочитаю деревья.

— А женщины? — спросил Стив. — Жена?
— Какая женщина изберет меня? — хрипло сказал Крейн. — Выгляжу я как пугало. А я бы взял в жены только самую лучшую, самую красивую, самую умную, самую любящую.

— Да брось, — сказал Стив, — не такое уж ты страшилище.
Однако это была правда, представить себе Крейна с миловидной девушкой было просто невозможно.

— Не лги друзьям, — сказал Крейн.
Он снова безрассудно погнав машину, словно волна какого-то нового чувства, какого-то нового представления о себе охватила его. Напрягшийся Стив держался за дверцу и думал, не суждено ли всему поколению Крейнов встретить смерть на дорогах Калифорнии в течение одной недели.

Они ехали молча, пока не оказались возле университетской библиотеки. Крейн остановил машину и, когда Стив вылез, откинулся на спинку сиденья. На крыльце библиотеки Стив увидел Адель в окружении троих незнакомых ему молодых людей. Заметив его, она направилась к нему. Даже издали Стиву было видно, что она рассержена. Ему хотелось избавиться от Крейна, пока она не приблизилась. Походка ее была неприятной, кокетливой, дразнящей.

— Денникотт, — начал было Крейн и замолк, потому что Адель уже стояла рядом, глядя на Стива в упор, лицо ее было решительным.

— Благодарю, — сказала она. — Спасибо за ленту.
— Я ничего не мог поделать, — сказал Стив. — Мне понадобилось съездить кое-куда.

— Я не привыкла дожидаться, — сказала Адель.
— Потом все объясню, — сказал Стив, испытывая желание, чтоб она ушла отсюда, от него, от Крейна, хладнокровно глядящего из машины.
— Тебе не придется ничего объяснять, — сказала Адель и зашагала прочь. Стив не осуждал ее. Скорей всего она не знала, кто такой Крейн и что брат его погиб в субботу вечером. И все же...

— Извини, что я заставил тебя пропустить свидание, — сказал Крейн.
— Не думай об этом, — сказал Стив. — У нее это пройдет.

На миг Стив увидел, что Крейн глядит ей вслед, лицо его было холодным, суровым, осуждающим. Затем Крейн пожал плечами и перевел взгляд.

— Спасибо, Денникотт, — сказал он. — Спасибо за поездку к дереву. Сегодня ты сделала доброе дело. Ты поступила по-дружески. Ты даже не знаешь, как помог мне. Друзей у меня нет. Брат был мне единственным другом. Если бы ты не поехал со мной и не дал мне высказаться, то не знаю, как смог бы я пережить этот день. Извини, если я говорил слишком много.

— Ты говорил не слишком много, — сказал Стив.
— Мы еще увидимся? — спросил Крейн.
— Конечно, — ответил Стив. — В ближайшее время мы съездим в этот ресторанчик и послушаем «В центре города».

Крейн неожиданно распрямился. Он робко улыбался и глядел признательно, как ребенок, только что получивший подарок. Если бы это было осуществимо, Стив бросился бы к нему и обнял бы его. И, несмотря на страдание и одиночество, ждущие Крейна, Стив завидовал ему. Крейн был способен глубоко страдать, и теперь, проведя день с этим парнем, понесшим тяжелую утрату, Стив понял, что такая способность к страданию и есть способность по-настоящему жить.

— «В центре города», — повторил Крейн. Он завел мотор и, весело помахав рукой, тронулся к дому родителей, где они ждали его с виноватым взглядом, так как сознавали, что если уж один из сыновей должен был погибнуть, они предпочли бы, чтоб это случилось с ним.

Стив увидел, что Адель снова идет к нему от библиотеки. Заметно было, что гнев ее остыл и, возможно, она намерена извиниться за свою недавнюю вспышку. Внезапно, увидев ее глазами Крейна, Стив повернулся и решил было уйти. Ему не хотелось разговаривать с Адель. Необходимо было подумать и о ней и о многом другом.

Он повернулся снова и приветливо улыбнулся приближающейся Адели. Крейн многому научил его в этот день, но, возможно, совсем не тому, чему хотел.

— Хелло, — сказал он, глядя не совсем прямо в юные голубые глаза. — Я надеялся, что ты все же вернешься.

Но никогда уже не будет он просыпаться с бессознательным ощущением безмятежности и покоя.

Перевел с английского Дмитрий ВОЗНЯКЕВИЧ.

НАШЕЙ «КОМСОМОЛКЕ» — ПЯТЬДЕСЯТ!

«Комсомолке» — пятьдесят лет!

Солидный возраст, если оглянуться назад, на годы, вместившие в себя напряженные ритмы Магнитки и звенящую сталь Турксиба, трудовой подвиг строителей «города на заре» — Комсомольска и грохот первой турбины Днепрогэса.

Солидный возраст, если вернуться в июнь сорок первого, услышать тяжелую поступь священной войны, пройти через тяжкие военные годы от Волги до Одера вместе с фронтовыми корреспондентами газеты.

Солидный возраст, если вновь услышать задорные песни пятидесятых — песни новоселов Алтая и Казахстана, песни тех, кто поднимал и осваивал веками не тронутые земли планеты Целина.

Солидный возраст, если опять и опять пережить неумное ликование теплого апрельского утра шестьдесят первого года, когда над весенней землей зазвучали позывные первопроходца космоса — Юрия Гагарина.

Солидный возраст, если пройти по ударным комсомольским стройкам наших дней, по всей стране — от Карпат до Тихого океана, где наши современники, наши ровесники с честью несут трудовую эстафету, переданную отцами.

Полвека газеты — полвека страны, и каждый день уложен пестрым строем в четыре емкие полосы «Комсомолки». Каждый день — пятьдесят лет подряд.

Ее читали вслух, спорили до хрипоты над острыми статьями («Так держать, товарищ газета!») — тогда, в тридцатых. И на линии окопов, к бойцам на передовую она приходила долгожданной и желанным другом, собеседником, советчиком. Ее именем сегодня названы комсомольско-молодежные бригады, заводы, шахты, цеха, теплотехники и даже острова. На ее знамени — четыре высоких ордена Советской страны: за труд и за подвиг, за мир и за войну. Ей сегодня пятьдесят лет — солидный возраст, возраст зрелости.

Но как же молода она — наша «Комсомолка»!

Сегодня она товарищ и ровесник строителей Байкало-Амурской магистрали, нефтяников и газовщиков Тюмени, молодых металлургов Урала и Липецка, хлеборобов Украины и Казахстана. Тридцать лет назад она рассказывала о бессмертных подвигах комсомольцев — совсем молодых парней, не доживших до майских победных салютов, но жизнью своей приблизивших их залпы. Сегодня она ведет разговор о трудовых подвигах комсомольцев — ровесников тех парней! — кто живет и работает «за себя и за того парня». Дела комсомола, заботы комсомола — это дела и заботы газеты, которая всегда на переднем крае, на острие атаки, вместе с ее многомиллионным читателем — комсомольцами тридцатых, сороковых, семидесятых годов.

Полвека — возраст зрелости, спору нет. Но полвека — возраст открытий, возраст поиска, возраст творчества. Полвека — возраст «Комсомольской правды». У нее за плечами большой путь — путь комсомолки нашей страны, путь, отмеченный боевой и трудовой славой. У нее впереди путь новых подвигов, новых свершений, ибо нет конца славным делам комсомольцев и молодежи Страны Советов.

Доброго пути тебе, товарищ «Комсомолка»! Так держать!

Борис РЯХОВСКИЙ

ЧАС

ПАРУСОВ

1

До шторма на Рыбинском море паруса были для меня грудой тяжелой, грубой ткани, матчи — стругаными и крашеными лесинами, а все вместе — досадным грузом.

Когда наконец завелся наш барахляный мотор и потащил «Вегу» прочь от пристани Московского морского клуба и мы стали устраниваться в лодке, я наметил место на средней банке и втиснулся между бортом и «дровами» — так мы, новички на «Веге», в первый же час похода назвали спеленатый рангоут. Это многометровое соединение, состоящее из круглых деревянных брусьев, лежало вдоль всей лодки. Нижние концы матч упирались на корме в бочку с бензином, верхние лежали на передней банке.

День за днем мы натрали бока о «дрова». На стоянках после дождей, под суровым взглядом нашего командора Леша мы вытаскивали паруса и расстилали их на траве. А затем тащили обратно на борт и не жалели слов, доказывая командору бессмысленность наших трудов: шли-то мы на моторе.

Впрочем, шли на моторе — это сказано со смехотворной самонадеянностью. Поутру наши механики часа по два возились с мотором. Затем команда волокла в лодку надувные матрацы и раскладывала их. Выкликался счастливцев. Ему вручалась бечевка с грязной рукояткой. После десятого рывка мотор оживал, начинал мелко трястись в гнезде, и «Вега» под крики капитана «Бери левее! На мель идем!» выходила на волжский простор. Мотор продолжал тарыхтеть.

— В Курье будем часам к восьми, — заявлял капитан.

Мы отбрасывали суеверность, кивали: «Верно, там и заночуем».

Мотор булькал и начинал допотать.

— Газ! — кричал капитан. — Дай газ!

Мотор угасал.

Лодку разворачивало по течению. Из рубки встречной баржи выскакивал мужик, криков его не было слышно, но бинокль позволял заглянуть в его мясистую ротовую полость.

— Шпонка полетела, — шептали механики.

— Я планов наших люблю громадь! — подавал голос Толя Друзенко.

Регистр планов у нас был велик — от получения Нобелевской премии (Казаков) до избавления от фурункулеза (Друзенко).

— Отчего бы нам не поставить паруса? — робко говорил я.

Мне не отвечали: преглуший вопрос! Что, ходить галсами по извиливой реке между баржами? Кроме того, по графику следовало проходить по 100 километров в день.

2

Переборы, где нас могли предупредить о шторме, мы покинули третьего дня, а барометра у нас на борту не было, так что за четыре часа до шторма мы безмятежно ползли на четырех веслах где-то за Пошехоньем.

Уходила лодка от земли, от теплого ее духа. На лугу белела рубаха старика. Далекое вжиканье камня по лезвию литовки да песня зяблика провожали нас.

Зной накрыл море. Стороной лениво пролетела чайка. Я отломил кусок хлеба и бросил в воду. Лодка отдалась, птица схватила хлеб. Выброшенная всплеском крыльев, вода ртутью катилась по морской глади.

Команда «Веги» — молодые инженеры, сотрудники научно-исследовательских институтов, журналисты — все работают в отвлеченных сферах, борьба их умозрительна — борются с идеями, с проблемами, с бесплотными, созданными воображением образами. Защищенные городскими благами от стихий, мы жадно читаем книги с рубриками «путешествия» и «приключения» и каждое лето отправляемся в поход. Команда наша родилась еще в студенческие годы. Зимой видимся редко, но в мае все собираемся на верфи клуба — готовить «Вегу» к новому плаванью.

Меня сменили на весле, я прошел на корму, оглянулся. Горизонт исчез. Все заволокла тяжелая белесая мгла. Командор велел сушить весла и ставить фок-парус.

Ах, какая веселая жизнь пошла: парус, постепенно набирая ветер, неслышно понес лодку по ясной глади.

Ветер тяжелел, стали поскрипывать матчи, мы полезли в рюкзаки за рубашками и штанами, и тут я уловил новый звук — захлопала в днище волна.

— Заводи грот-парус! — кричал командор.

— Заводи стаксель!

Казалось, ветер приобрел цвет — темнело и снижалось небо, темнела на глазах вода. Где-то над Арктикой сдвинулись охлажденные льдами массы воздуха, гигантской силы подсос погнал на север воздушный вал. Виток вала ударил в белые паруса «Веги», и она понеслась в темень. Впередсмотрящий кричал командору:

— Справа вижу красный проблесковый огонь!

— Казаков! — кричал командор. — Какой буй?

Казаков включал фонарь, вел пальцем по рисованной от руки схеме и кричал:

— Красный проблесковый?.. Девятый!

Леша Бывалин, командор, как мы его называем, капитаном на «Веге» лет шесть. «Вега» под его началом ходила вниз по Волге и на Северную Дви-

**Массовый спорт многолик
возле дома, и регулярные
о котором рассказывает**

ну и через Онежское озеро на Белое море и по морю в Архангельск.

Натосковавшись за зиму, Леша, бывший матрос, всю жизнь играет в капитана. Наш ял, эту большую лодку, он называет кораблем, реку — морем, а какую-нибудь заросшую осокой протоку — лагуной.

3

Мы обгоняли волны, их пена с шипением уносила в темень. Ни остановиться, ни пристать к берегу было невозможно: Щербаковскую ГЭС пускали в сорок первом, Москва ждала электроэнергию, ложе водохранилища не подготовили. Ныне вдоль восточного берега стоят в воде мертвые, закаменевшие леса.

Начался дождь. Паруса развернули бабочкой: фок-парус — налево, грот — направо. Я втиснулся между банками — держал правый шкот грот-паруса. Командор кричал «Отпустить шкот!», я на миг ощущал в руке тяжесть паруса, кидавшего на волну четырехтонную массу «Веги». Лодка ухала вниз, в черную яму, так что сердце падало, и по брезенту кашпоша дробью стегали брызги!

Что-то легкое коснулось щеки, трепыхнулось за ухом и затихло. Я ухватила этот мягкий доскуток и толкнула сидящего впереди Славку.

— Посвети!

Славка щелкнул выключателем фонаря. Я держала в пальцах желтенькую, с коричневыми подпалинами на концах крыльев бабочку — желтушку луговую.

— Леха, парус давит на ванты!

— Вижу, подтяните правый шкот фок!

Когда командор выкрикивал «Фок налево!» или «Грот направо!», я совал в разрез штормовки кулак, в котором приотлил бабочку, выпускал ее, она цеплялась за шерсть свитера. Я поспешно разматывал шкот и, упершись ногой в поперечину, отпускал его, наклонялся и ждал.

Свист рывками проредиваемого в скобы шнура — спешил мой напарник, — всплеск паруса. Над моей головой проносился гик. Я выныривал над бортом, круговыми движениями закрепляя шкот и лез за пазуху искать бабочку.

По малости своей роли, я едва ощущал опасность нарастающего ветра и судорожность нашего движения. По неведению не мог сразу оценить и смысл команды: «Срубить фок!»

Ребята кинулись выполнять команду. Вырвалась ли из рук снасть или командор повернул «Вегу» с целью ослабить полный ветер в парусе? Парус хлопнул — то была сила пушечного выстрела.

«Вегу» развернуло на волне, вскинуло. Миг она висела — было чувство, что под днищем пустота, — повалилась боком и захлестала парусом, как сбитая птица крылом.

— Руби! — кричал командор.

«Вега» оперлась своими мощными покатыми боками в подножие волны, та отбросила лодку, погнала впереди себя. Гребень нависал над бортом, готовясь при столкновении сбросить в лодку свой туго закрученный, стопудовый виток.

Недолго длилось это брение лодки с водой. Командор лежал на руле, он помогал ей. Ребята висели на снастях, кричали, боролись с парусом. Набитый ветром, мощный, он не давал упасть гафелью. Парус вырвался из их рук — гик пронесся надо мной, ударил, опрокинул и ушел обратно, и там рванули его вниз, и парус еще раз, другой всплеснул. Быстро, со стуком, упал гафель. Мы кинулись на вздутую парусину, били по пузырям кулаками.

4

Снова мерное раскачивание и шум волн, в котором, закрыв глаза, различаешь, как голоса инструментов в оркестре, всплески, шипение, свист, стеклянные звоны. Леша был неподвижен и молчалив. Фуфайка застегнута наглухо и ушанка на глаза.

МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ЗА СТАНКОМ И ЗА ПАРТОЙ
2. В МАТЕРИНСКИЙ ОТПУСК ИДУТ ОТЦЫ
3. СЕМЬ ДНЕЙ НАД БЕЗДНОЙ
4. КОАЛА ЗАПОЛНИЛИ СТРАНУ
5. РОМАНЫ И ГОДЫ
6. ДАВИД ХОЧЕТ ВЫЙТИ ИЗ КОЛПАКА
7. НАЙМИТЕ ВОРА, ЧТОВЫ ПРЕДОТВРАТИТЬ ВОРОВСТВО
8. ПРОБЛЕМЫ МОТОКЕНТАВРА
9. ОПАСНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИГРА
10. ГОРЯЧАЯ ВОДА ИЗ НЕДР ЗЕМЛИ
11. ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ НА КИНОСТУДИИ
12. ОТ КОЛДУНА ДО ПРОФЕССОРА

Обзор зарубежной прессы.
Материалы печатаются в изложении.

1.

Двадцать пять процентов всех работающих в ГДР составляют люди, совмещающие труд и учебу.

Основа единой системы народного образования республики — школа-десятилетка, а учиться без отрыва от производства можно в учебном заведении любого типа. В области повышения квалификации большую роль играют особые учебные центры, называемые «профессиональными академиями». Обычно они создаются при больших предприятиях. За последние 13 лет число рабочих, повысивших свою квалификацию в этих центрах, достигло миллиона. Подобные же возможности существуют и для сельской молодежи — она может учиться в «сельскохозяйственных академиях». Эти академии работают, как правило, зимой. Большое значение имеет также система «высших народных школ», которых сейчас уже более двухсот. Количество учащихся в них составляет в общей сложности 300 тысяч человек, а окончившие получают аттестат зрелости.

Помимо упомянутых типов школ, в ГДР широко развито заочное и вечернее обучение в вузах. Эти формы обучения очень популярны, о чем свидетельствует тот факт, что каждый седьмой грудничок является дипломированным специалистом.

Лучшие молодые производственники могут получить путевку для учебы в институте. Существует вполне обоснованное мнение, что такие студенты более серьезно и сознательно относятся к учебе и во всем являются, как правило, достойным для подражания примером.

«НОЙЕ БЕРЛИНЕР
ИЛЛЮСТРИРТЕ», ГДР

2.

С 1 января прошлого года в Швеции был принят не совсем обычный закон, по которому шестимесячный оплачиваемый отпуск по уходу за грудным ребенком может отныне предоставляться по выбору любого из родителей — отцу или матери. По этому закону можно также комбинировать: скажем, первые три месяца о ребенке заботится отец, затем младенец поступает на попечение матери. Однако за прошлый год новым законом пожелало воспользоваться только 100 молодых отцов, что не так уж много для государства с населением 8 миллионов человек. Один из использовавших «отцовский отпуск», молодой социолог Гэран Крона, объясняет это положение не большей любовью матери к своему дитяти, которое она не хочет покидать, а мужским эгоизмом и ложной гордостью. На основе собственного опыта Крона делает вполне обоснованный вывод, что ребенок привязывается к отцу так же, как и к матери, и что специфическое отношение ребенка к матери не является врожденным, а привносится воспитанием. Находящиеся в «отцовском отпуску» мужчины не только должны полностью брать на себя все женские обязанности в отношении ухода за ребенком, но и обеспечить выполнение всей обычной домашней работы, уборку и покупки. Некоторые мужья, взявшие «отцовский отпуск», явно не представляли себе, что работа женщины по уходу за маленьким ребенком настолько утомительная и отнимает столько времени. Так, например, молодой отец по имени Ларс Сундвист решил воспользоваться «отцовским отпуском» в надежде активно заняться своим хобби — полетами на воздушном шаре. Однако вскоре он разочаровался. «Забота о ребенке и ведение домашнего хозяйства отнимают у человека 18 часов в сут-

ки», — заявил он. Тем самым Ларс Сундвист отдал дань уважения труду женщины, который в другом случае он и тысячи ему подобных вряд ли оценили бы по достоинству.

«КВИК», ФРГ

3.

Два австрийских врача — Герт Юдмайер и Освальд Ольц — немало времени готовились к восхождению на гору Кения в одноименной африканской стране. Их попытка удалась. Они достигли высоты 5 199 метров, однако во время спуска произошел драматический инцидент. Доктор Юдмайер поскользнулся и полетел в бездну. К счастью, Ольцу, не потерявшему присутствия духа, в последний момент удалось закрепить веревку, которой они были связаны друг с другом.

Вот что рассказывает о происшедшем Юдмайер: «Я почувствовал, что падаю в пропасть. После 30—40 метров падения последовал удар о стены пропасти. Все тело пронизала страшная боль. В это время мое падение прекратилось. Я повис над пропастью на высоте 5 тысяч метров. Правая нога была переломлена во многих местах. Я потерял много крови. Ольцу с большим трудом удалось передать мне одежду и несколько банок консервов. Потом он крикнул мне, что отправляется искать людей. Я оставался в подвешенном положении над бездной 7 дней. Это были дни отчаяния и надежды. Дневная жара сменялась морозными ночами. Мучила боль в сломанной ноге. Состояния нервного возбуждения чередовались с сонливостью. С большими усилиями мне удалось перевязать ногу и открыть консервы. Через семь дней подоспела группа, приведенная Ольцем, и спасла меня от верной смерти».

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

4.

Нет, возможно, на земле животного более обаятельного и веселого, чем австралийский медведь коала (который, в сущности, скорее относится к сумчатым, нежели к медведям). Именно благодаря этим привлекательным качествам коала стали одной из первых разновидностей животного мира, которых защищает закон. Решение об охране коала было принято в 1927 году после того, как десятки миллионов этих очаровательных созданий были истреблены ради их меха, который использовался для шляп, пальто,

сумок, и всем стало ясно, что коала грозит вымирание.

Сейчас, столетия спустя, сумчатый медведь размножается настолько стремительно, что некоторые австралийцы полагают, что теперь коала на их континенте больше, чем людей. В специальных огороженных заповедниках, построенных правительством, коала наслаждаются жизнью в эвкалиптовых рощах, ночью они обрывают листья эвкалипта, которые позволяют животным утолить и голод и жажду, а днем спят.

В последнее время коала стали тесны их заповедники. В одном из пригородов Сиднея этих животных стало так много, что на дорогах пришлось вывесить специальные знаки: «Берегись! Здесь ходят коала!» Сумчатые медведи заходят и во дворы, если там растут эвкалипты. А это может создавать определенные неудобства. Плач коала-малыша, покинутого на какое-то время его мамашей, чрезвычайно похож на плач ребенка, и потому женщины, услышав голос малыша, бросаются порой не в детскую, а к эвкалиптам.

«НЬЮСУИК», США

5.

В этом году знаменитой создательнице детективов Агате Кристи исполняется 85 лет. В 1970 году английская королева пожаловала ей звание баронессы и назначила членом палаты лордов. Леди Агата написала за свою жизнь 85 романов, по числу прочитанных ею лет, плюс 17 пьес. Агата Кристи живет с мужем в романтическом доме XVIII века в деревушке Уоллингфорд (графство Беркшир). Стоящий посреди обширного сада старинный дом полон антикварных достопримечательностей и сувениров. Он как бы создан для того, чтобы служить ареной таинственной истории с убийствами, тайниками, кладами и прочими аксессуарами криминальной литературы. До сих пор леди Агата пишет в год по роману, и технология их написания не меняется: как только в голове возникнет сюжет, она вначале делает небольшие заметки в обычной школьной тетради, затем во время прогулок в саду и вокруг дома обдумывает ход действия с диалогами, после чего идет последний этап работы — диктовка на диктофон. Агата Кристи очень внимательно наблюдает жизнь и хорошо знает проблемы сегодняшнего дня, — все это находит свое отражение в ее произведениях. Любимый современный автор — Грэм Грин, зато пресловутая «бондиада» Яна Флемминга кажется ей «невыносимо скучной». Писательница не любит видеть свои романы на киноэкране. Зато к театру у нее отношение самое теплое, и театралы отвечают ей взаимностью, например, детективная драма Агаты Кристи «Мышеловна» доныне держит мировой рекорд по количеству постановок — в одном из лондонских театров эта пьеса идет ежедневно в течение двадцати лет.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ»
ШВЕЙЦАРИЯ.

6.

Давид, которому в сентябре исполнилось три года, хочет выйти из своего заключения. Давид, фамилию которого скрывают, — особенный ребенок. Живет он в Хьюстоне, в США, и страдает болезнью, следствия которой ужасны. В его теле совершенно нет веществ, которые противостояли бы микробам и вирусам. Если бы мальчик схватил всего лишь насморк, этого было бы достаточно для его смерти. Поэтому с самого рождения он помещен в специальную прозрачную пластмассовую капсулу — «колпак», а единственным физическим контактом с окружающим миром являются расположенные в стене капсулы рукавицы, с помощью которых врачи осматривают Давида, а его родители могут дотронуться до него. Прозрачный «колпак» наполнен профильтрованным воздухом и имеет достаточные размеры (три метра на два) для того, чтобы Давид мог в нем двигаться, играть с игрушками, иметь столик, стул и кровать. Один раз в три месяца Давид выезжает из больницы домой. На этот случай у него есть меньший колпак, в котором родители могут отвезти Давида на некоторое время к себе домой. Опять какой-либо физический контакт с ребенком исключается.

К жизни маленького Давида проявляют большой интерес врачи. Психологов особенно волнует вопрос, будет ли мальчик нормально развиваться. Последние тесты показали, что Давид развит, как и каждый нормальный ребенок в его возрасте. В колпаке он бегаёт, играет с мячом, разговаривает через стены с обслуживающим персоналом и с нетерпением ожидает момента, когда он сможет выйти наружу. Врачи из Хьюстона, однако, до сих пор не знают, когда это будет возможно. Они пытаются с помощью инъекций создать у Давида иммунитет против микробов, но пока все известные методы не дали положительных результатов. Найдут ли врачи эффективный метод излечения его болезни, сможет ли он начать нормальную жизнь без опасений? Неужели мальчик осужден к пожизненному, хотя и комфортабельному, заключению?

«МЛАДИ СВЕТ», ЧССР

7.

Глава одной из нью-йоркских фирм, специализирующихся в области электроники, созвал своих работников, чтобы сказать им, что фирма теряет слишком много средств вследствие воровства.

Затем он вдруг попросил человека, сидящего в первом ряду, вывернуть карманы. Сначала тот отказывался выполнить приказ шефа, но когда босс пригрозил немедленно вызвать полицию, человек из первого ряда подчинился. И собравшиеся увидели, что

в его кармане был спрятан небольшой электронный вычислительный прибор, украденный на заводе.

«Вы уволены», — объявил босс. И добавил, что сейчас он не станет передавать дело в суд, но вот в следующий раз вор, пойманный с поличным, на снисхождение пусть не рассчитывает.

Рабочие и служащие фирмы, естественно, не знали, что «вор», которого уволили с работы, был необычным. Его нанял босс в агентстве, называемом «Наем воров». Человек, сидевший в первом ряду, ничего не украл, он был нужен боссу для того, чтобы напугать тех, кто действительно ворует или собирается что-либо украсть. Новое агентство было создано в прошлом году, чтобы помочь фирмам, компаниям, универсамам в борьбе с хищениями. Надо сказать, что спрос на услуги, предлагаемые агентством, весьма велик.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

8.

Мотогонки во французском городе Шараде, в провинции Овернь, всегда вызывали большой интерес. 52 крутых виража в прошлом году одолевали около сотни соревнующихся. А вдоль трассы выстроилось сто тысяч болельщиков. В подавляющем большинстве — молодежь.

Сами состязания окончились благополучно. Трагедия произошла после финала. Едва судьи свернули флажки, зрители вывели на шоссе свои собственные мотоциклы и помчались густой тучей. Полиция оказалась бессильной что-либо сделать... Итог: четверо разбилось насмерть, одиннадцать человек получили увечья.

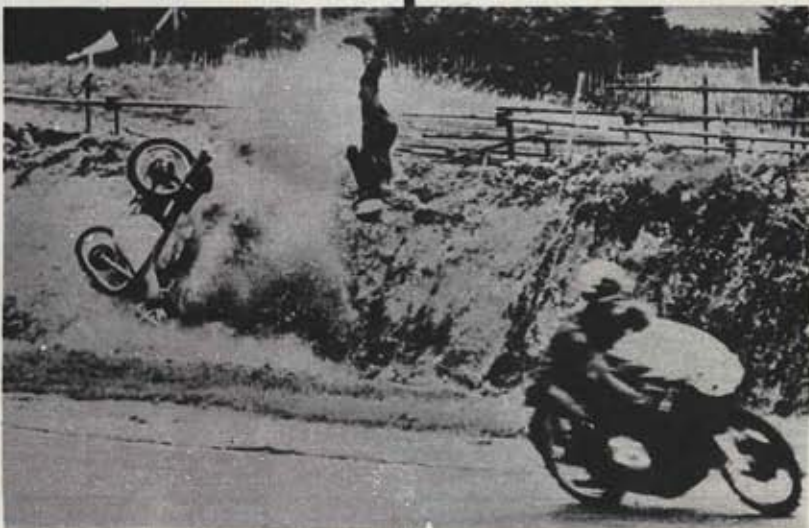
Происшествие в Шараде вновь заставило прессу писать о «дорожном демоне» — мотоцикле. В последнее время, когда цены на бензин растут с головокружительной быстротой, двухколесная машина — более дешёвая и экономичная — приобрела особую популярность.

Зачастую в седло мотоцикла садятся люди, едва получившие права. Кажущаяся легкость езды добавляет «смелости». Результаты повального увлечения мотоциклом печальны: в минувшем году во Франции погибло 2 602 человека. Остановить лавину пытались резким повышением страхового взноса. Однако против этого выступили фабриканты мотоциклов, извлекающие немалый доход из нынешнего бума.

Во Франции, Бельгии и Нидерландах провели контроль за уровнем шума, издаваемого мотоциклами. Оказалось, что из 12 наиболее ходовых моделей лишь 3 соответствуют установленным нормам.

Мотоцикл со снятым глушителем, проносящийся по улице города в два часа ночи, будит до 100 тысяч человек.

«ЭКСПРЕСС», ФРАНЦИЯ

9.

«Превращение девственных джунглей бассейнов Амазонки и Ориноко в пахотные земли и пастбища в катастрофической степени изменяет условия окружающей среды Южной Америки», — заявил гамбургский профессор Эбергард Брюниг, известный специалист по тропическим лесам. Профессор Брюниг предупреждает об опасности азартной «экологической игры», которую Бразилия и соседние с ней государства планируют на конец тысячелетия. Речь идет о преобразовании самых богатых на Земле целостных массивов с самой большой концентрацией земного биологического вещества. «Эти обширные преобразования могут повлечь за собой катастрофические последствия в масштабе всей планеты», — предостерегает Брюниг. Сожжение срубленных деревьев и растительности оказало бы неизмеримое пагубное влияние на климат. Согласно подсчетам Брюнига, с дымом в земную атмосферу может попасть 275 миллиардов тонн двуокиси углерода. Значительная часть этого количества оставалась бы в атмосфере десятилетиями и существенно увеличила бы содержание в ней двуокиси углерода. Более того, вследствие эрозии и вымывания крайне уязвимые тропические лесные почвы за короткое время потеряют свое плодородие.

«ДЕЛТА», ВЕНГРИЯ

10.

Сотрудники Института исследования почвы в Ганновере изучают возможность использования нового источника энергии. Идея неожиданная: холодную воду накачивают в глубь Земли, откуда она, уже нагретая, возвращается на поверхность. Удобной местностью для подобного эксперимента явился бы район города Ландау и другие районы земли Рейнланд-Пфальц. «В то время как обычно температура на глубине тысячи метров составляет +30°C, в Ландау на той же глубине температура доходит до +70, +90°C», — объясняет Жорж Делисье, сотрудник доктора Оскара Каппельмайера, руководящего экспериментом и м. Ганноверские ученые намереваются представить в ближайшем времени свой план использования энергии недр Земли правительству ФРГ.

«ПРОБЛЕМЫ», ПОЛЬША

11.

Мужчина, с которым беседует Софи Лорен, не коллега-кинорежиссер, не режиссер или оператор. Это телохранитель мировой кинозвезды.

Он постоянно сопровождает ее. Его присутствие обязательно и на съемочной площадке. Софи Лорен снимается сейчас в главной роли нового фильма «Девушка из банды».

В связи с этим неофашистские элементы в Италии пригрозили совершить покушение на известную актрису. Потому телохранитель для нее — главное действующее лицо.

«ЛИК», БОЛГАРИЯ

12.

«Что сбудется в жизни со мною?» Этот вопрос приобрел сегодня особо животрепещущую актуальность для многих жителей Запада. В предсказаниях, прочтениях недостатка нет. Свои соображения высказывают политики, экономисты манипулируют цифрами статистики, а социологи — данными опросов «людей с улицы».

Что делать конкретно мне? — в полной растерянности вопрошает этот самый «человек с улицы» в Нью-Йорке, Лондоне, Риме. За ответом он обращается к гадалке.

О, профессионалов по индивидуальному предсказанию будущего хватает. Есть на любой вкус. Цельный сонм традиционных пожилых дам с черным котом, волшебными картами и магическим кристаллом. В фаворе и заезжие гастролеры-прорицатели. У них большое преимущество: говорят непонятно, а в данном случае это весьма кстати. Не так давно по многим странам Западной Европы пролетел колдун Ксозо Сент. Он вообще ничего не говорил, поскольку не знает европейских языков. Родина Сента — Лесото, маленькая страна на юге Африки. Без слов он протягивал клиенту пакетик с волшебным снадобьем, гарантирующим здоровье, а заодно и успехи в жизни. Взамен клиент клал — уже в другой пакетик — гонорар за помощь. В конце сеанса колдун извлекал деньги и просил ассистентку пересчитать их (сам он не в ладах со счетом).

Однако не следует думать, что предсказательная индустрия отстает от века. В столице Англии можно увидеть электрическое табло, на котором значится: «Что готовит вам жизнь? На вопросы отвечает профессор Кембриджского университета». Это табло помещается в одном из множества «консультационных пунктов», открывшихся в Лондоне за последнее время. Здесь козыряют научным авторитетом. Достаточно снять трубку, повернуть находящуюся по соседству рукоятку (слева — для мужчин, справа — для женщин), назвать свой возраст, как в ответ раздастся... В общем, раздастся такой же невнятный ответ насчет дальнейшего жизненного пути, как из уст любого предсказателя без ученой степени.

«ЕУРОПЕО», ИТАЛИЯ

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Валерия АШМАНОВА

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Валерия СУДАРЕВА

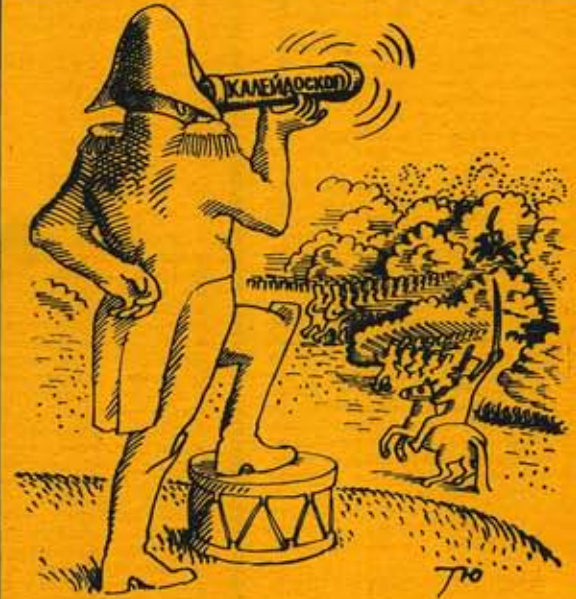

Рисунок Сергея ТЮНИНА

ШАХМАТ

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

АТЬ ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ

В ЧЕСТЬ ЗНАМЕЧАТЕЛЬНОГО ЮБИЛЕЯ

30-летие Великой Победы советского народа в борьбе против фашизма было отмечено проведением в Москве, в Центральном доме Советской Армии имени М. В. Фрунзе, турнира, в котором участвовала группа сильнейших шахматистов Вооруженных Сил. Напряженное соревнование привело к довольно редкостному итогу: к финишу с одинаковым результатом — 9 очков из 13 возможных — первыми пришли сразу трое соперников, и судейской коллегии пришлось прибегнуть к дополнительным показателям по таблице коэффициентов.

В итоге первый приз завоевал молодой лейтенант-инженер Евгений Свешников, мастер спорта из Челябинска. В ногу с ним успешно закончили турнир гроссмейстер из Риги Айвар Гипслис и мастер из Новосибирска Геннадий Тимошенко. О боевности поединков юбилейного состязания в ЦДСА свидетельствуют два фрагмента, которые мы приводим ниже.

Перед вами положение фигур, созданное после 26-го хода белых в партии победителя турнира с мастером В. Журавлевым. Игравший черными Е. Свешников предпринял энергичный прорыв на королевском фланге, связанный с жертвой пешки, и вызвал на поле боя головомные осло-

нения, в которых взял верх над партнером.
26. ...f4—f3! 27. Le4:g4+ Kpg8—h8 28. Ke2—f4 Lf5—f7 29. Lg4—h4 f3:g2+ 30. Kph1—g1 Lf8—g8.

В данный момент единственно правильным оборонительным маневром был ход 31. Фd3, блокируя проходную пешку черных. Белые же сыграли на вид активнее, но позволили сопернику жертвой качества проявить опасную инициативу.
31. Lh4—h6? Lf7:f4! 32. Cd2:f4 d4—d3! 33. Le5—c1 d3—d2 34. Lc1—d1 Kc6—d4 35. Фb5—d3.

Попытка поймать черных в ловушку — 35. ...Cc4? 36. L:h7 +! Ф:h7 37. Ф:d4 и т. д. — не удается, и позиция белых быстро катится по наклонной плоскости.

35. ...Cc6—f5! 36. Фd3—e3 Фd7—d5 37. e5—e6 Lg8—g7 38. Ld1:d2 Фd5—c4! 39. Ld2—d1 Kd4—e2+ 40. Фe3:e2 Фc4:e2 41. Ld1—c1 Cf5—d3!, и белые сочли за благо сдать-

А на этой диаграмме изображена позиция, к которой пришла после 18-го хода черных партия 22-летнего дальневосточника Анатолия Семеновку (у него были белые) с теперешним чемпионом Ленинграда М. Цейтлиным. Ранее для развития атаки молодой мастер отдал легкую фигуру. Сейчас же он предпринимает новую, довольно оригинальную комбинацию и жертвует целую ладью!
19. Lh1—h8+!! Cg7:h8 20. Фf2—h4 Ch8—g7 21. f5—f6! e7:f6 22. e5:f6 c3:b2+ 23. Krc1—b1! Ca6—c4.

Встречные угрозы ленинградского армейца кажутся весьма опасными, но А. Семеновку атакует столь стремительно, что не оставляет противнику ни малейшего шанса.
24. Фh4—h7+ Kpg8—f8 25. Фh7:g7+ Kpf8—e8 26. Фg7—g8+ Kpe8—d7 27. Cd3:c4+ Kpd7—e6 28. Ld1:d8 Фa5—e1+ 29. Kpb1:b2, и белые легко реализовали свой материальный перевес.

ТАКТИКА — ОПАСНОЕ ОРУЖИЕ!

Восклицание, вынесенное в заголовок, нам хочется проиллюстрировать фрагментами из недавних поединков шахматных мастеров на чемпионатах Москвы и Ленинграда 1975 года.

Здесь вы видите острейшую ситуацию, возникшую в партии финала первенства столицы между чемпионом Москвы 1974 года В. Гулько и сменившим его на чемпионском посту К. Григорьяном после 20-го хода белых. Неожиданным тактическим маневром играющий черными К. Григорьян перехватил инициативу и быстро преодолел сопротивление партнера.
20. ...Lh8—d8! 21. Cc6—d5 Kpf7—e7 22. Kpe1—e2 La7—c7 23. Фd3—h3 Lc8:c3 24. Фh3—h4+ Kpe7—d7 25. Lf1—d1 Kpd7—c7 26. Lb8—b4 Lc3:c2+ 27. Kpe2—f1 Ld8:d5 28. Фh4—e7+ Cc8—d7!, и белые сдались, так как завоевать ферзя они не могут из-за грозящего мата.

На этой же диаграмме отражено положение, созданное после 16-го хода черных в финале первенства города на Неве между чемпионом Ленинграда 1974 года В. Карасевым и кандидатом в мастера А. Иоффе. Тактическая операция играющего белыми В. Карасева, связанная с каскадом жертв и нестандартных разрезов, не оставляет зрителя равнодушным.
17. Kd4—e6! f7:e6 18. f5:e6 Kc6—b4 19. e6:d7! Kb4:d3 20. d7:e8Ф+ La8:e8 21. c2:d3 Kpg8—g7.
Не спасает черных и предложение 21. ...Kpf7 22. Ce5 Ld8 23. Cf6 C:f6 24. Ke4! и т. д.
22. Cf4—e5! Le8—d8 23. Le1—e2 Ld8—d6 24. d3—d4 Фc5—c6 25. Ce5:d6 Фc6:d6 26. Kc3:d5 Kf6:d5 27. Cb3:d5 Фd6:d5 28. Le2:e7+ Kpg7—h6 29. Lf1—d1 Фd5:a2 30. d4—d5! Фа2:b2 31. d5—d6, и черные перед неудержимым маршем белой проходной пешки капитулировали.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/IV 1975 г. А 02571. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции гинграфическая газета «Правда» имени В. И. Ленина.

Подписано к печати 23/IV 1975 г. Тираж 1 200 000 экз. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Формат 70×108%. Изд. № 1025. Заказ № 468.

Музыка Владимира ХРИТОНОВА
Слова Давида ТУХМАНОВА

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Слова Владимира ХРИТОНОВА
Музыка Давида ТУХМАНОВА

День Победы, как он был от нас далек!
Как в костре потухшем тая уголек!
Были версты обгорелые в пыли,
Этот день мы приближали, как могли.

Припев:

Этот День Победы пороховым пропах,
Это праздник с сединами на висках,
Это радость со слезами на глазах —
День Победы!
День Победы!

Дни и ночи у мареновских печей
Не смыкала наша Родина очей.
Дни и ночи битву трудную вели,
Этот день мы приближали, как могли.

Припев.

Здравствуй, мама, возвратились мы не все.
Босиком бы пробежаться по росе.
Пол-Европы прошагали, полземли.
Этот день мы приближали, как могли.

Припев.

КРОССВОРД

Составил А. РУНИН,
г. Москва

По горизонтали:

1. Герой романа М. Шолохова «Поднятая целина». 8. Наука о животных. 9. Синтетическая смола. 12. Русский поэт XIX века. 15. Спортивная игра с мячом. 17. Роман О. Бальзана. 18. Химический элемент. 19. Систематизированное собрание сведений. 20. Порт на Дону. 21. Кормовое бобовое растение. 23.

Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». 24. Газ. 25. Очертание предмета. 26. Центр Ханкасской автономной области. 27. Река в Северной Америке. 29. Цветок. 31. Линия на карте, соединяющая точки с одинаковой средней температурой. 32. Основание скульптуры.

По вертикали:

2. Французский писатель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 3. Мера расстояний. 4. Звено гусеничного хода. 5. Пианист, народный артист СССР. 6. Столбец текста в газете, журнале. 7. Часть математики. 10. Автор слов песни «Подмосковные вечера». 11. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 13. Певу-

чая мелодия. 14. Отрасль геологии. 16. Южное плодородное дерево семейства тутовых. 17. Центр провинции в Испании. 22. Советский авиаконструктор. 24. Стилистический прием в стихосложении. 27. Небольшое вокальное произведение в опере. 28. Народный поэт Армении и Грузии. 30. Полудрагоценный камень. 31. Сухие ягоды винограда.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 8:**

По горизонтали:

3. Валиханов. 7. Сеттер. 8. «Троица». 9. Флаг. 11. Найроби. 12. Единица. 14. Лидер. 15. Кварта. 16. Алазел. 17. Стекло. 18. Блинов. 21. Восток. 23. Лимит. 24. Ранго. 25. Амдерма. 26. Ярмут. 29. Влесна. 30. Олонхо. 31. Коллонтай.

По вертикали:

1. Пихта. 2. Танго. 3. «Восход». 4. Вершина. 5. Стайер. 6. Анфиса. 9. Филателия. 10. Термостат. 11. Нивелир. 13. Анемона. 19. Нансен. 20. Вторник. 21. Водолей. 22. Сирень. 27. Рабле. 28. Умань.

ТЕПЛЫЙ ЛУЧ

Оржак Измаилов родился в дагестанском ауле Кубачи, знаменитом своими мастерами художественной обработки металла. Его мать и отец учительствовали. Началась война. Пропал без вести отец, умерла мать. Оржак очутился в детском доме в Грозном. Здесь он впервые стал рисовать красками. Но ему словно бы не хватало цвета. И он искал живые, мерцающие, вибрирующие краски и оттенки... Вглядываясь в чистый холст, пытался вспомнить ощущения недолгого своего детства, лицо отца, руки матери, аул Кубачи, где золото обретало истинную цену только тогда, когда в руках ювелиров превращалось в произведения искусства.

ПЕРВЫЙ СНЕГ.

ОЖИДАНИЕ.

БЕРЕЗКИ.

ДРЕВНЯЯ ЗЕМЛЯ.

Потом Оржак Измаилов учился в Абрамцевском художественно-промышленном училище, сейчас живет в старинном русском городе Муроме.

В училище он овладевал искусством художественной обработки кости, дерева, металлов. Может быть, поэтому в его манере ощутима благородная тщательность артиста, который привык ценить каждую крупицу материала, будь то золото, серебро, дерево или краска...

Я смотрю на картину Измаилова «Березки», и мне хочется ступить на только что оттаявшую землю, почувствовать на плечах весеннее тепло... В

работах художника почти всегда есть ощущение солнца, но не полуденного, не яркого и ослепительного, а утреннего или предвечернего...

Многоцветно полотно «К вечеру». Многоцветно и приглушенно. В сочетаниях красок есть особая бережность, которую хочется назвать целительной, есть мудрое сочувствие людям, закончившим дневной труд.

Художник Оржак Измаилов обладает способностью словно бы вывести нас, зрителей, на солнечную сторону, и именно тогда, когда нам не хватает тепла. Вот его «Первый снег». Белизна

К ВЕЧЕРУ.

эта, кажется, существует только для того, чтобы, отразив слабеющий свет, усилить его и заставить согреть стены человеческих жилищ.

Бесчисленны и чисты краски «Древней земли» — нашей планеты. И утрата даже оттенка любой из них невозможна для каждого человека, и для того, кто живет сейчас, и для того, кто впервые откроет глаза через тысячелетия...

Я снова вглядываюсь в «Березки». Хочется идти и идти меж белых стволов, с каждым шагом испытывая все более полное ощущение жизни. И это чувство рождает другое: сделать полезное людям, чтобы и твое человеческое тепло прибавилось к теплу весеннего солнца.

Андрей БАТАШЕВ